



ВАРВАРА ЕНАЛЬ

ВАРГА

ТА, КТО ЗАДАЕТ ВОПРОСЫ

Варвара Николаевна Еналь

Та, кто задает вопросы

Серия «Варта», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65633322

Та, кто задает вопросы: Росмэн; Москва; 2021

ISBN 978-5-353-09753-2

Аннотация

Мирослава всегда была не такой, как все. Однажды она помогла своему другу Матвею найти старинную книгу, которая исполняет желания и отвечает на вопросы. За этим могущественным артефактом уже давно охотится нечистая сила. Смерть гонится за Мирославой и Матвеем по пятам, и никто им не поможет, кроме Варты – стражи, с глубокой древности охраняющей их город от зла и тьмы.

Содержание

Часть 1	8
Глава первая. Мирослава	9
1	10
2	16
3	26
Глава вторая. Матвей	29
1	30
2	35
Глава третья. Мирослава	41
1	42
2	45
3	50
4	52
Глава четвертая. Матвей	56
1	57
2	60
3	64
4	67
Глава пятая. Мирослава	72
1	73
2	76
3	79
4	83

Глава шестая. Мирослава	88
1	89
2	91
3	96
4	101
5	102
Глава седьмая. Матвей	106
1	107
2	109
Глава восьмая. Мирослава	112
1	113
2	116
3	118
4	120
Глава девятая. Мирослава	124
1	125
2	128
3	130
4	134
Глава десятая. Матвей	136
1	137
2	138
3	141
Глава одиннадцатая. Матвей	145
1	146
2	148



Варвара Еналь

Та, кто задает вопросы

© Варвара Еналь, текст, 2021

© ООО «РОСМЭН», 2021

Часть 1

Всего одно желание



Глава первая. Мирослава



Мать всегда уверяла, что я порчу ей кровь.

Эту фразу я слышала с самого детства в разных вариациях, но смысл никогда не менялся. Я портила жизнь матери уже одним своим существованием. Потому что такую невоспитанную и отвратительную хамку еще надо поискать и потому что никакие слова до меня не доходят, все как об стенку горох. Я – вылитый отец, и его гадкие гены лезут из меня каждый божий день.

Моя мать умела ругаться и делала это часто и вдохновенно. Иногда по вечерам, слушая ее длинные и громкие выступления, я раздумывала, а не записать ли это и не выложить ли видео в «Ютуб». Уверена, что получила бы миллион просмотров и славу скандально известного блогера.

Жаль, но я не воспользовалась такой возможностью, потому что у меня была еще младшая сестра. Едва я доставала телефон, Снежанка хватала меня за руки и умоляющим голосом шептала:

– Мирка, ты с ума сошла. Пожалуйста, Мирка, не делай этого!

С сестрой мы были не особенно близки, но ее горячий шепот и умоляющий взгляд больших карих глаз почему-то имели надо мной странную, необъяснимую власть.

– Отцепись, трусиха, – говорила я и прятала телефон в

карман.

В тот вечер я уже настроилась на очередной концерт. Очередное выступление на тему «Мирка отбилась от рук и растет негодницей». В тот день я сделала себе еще один пирсинг. Дырочку в носу даже пирсингом можно назвать с натяжкой, очень многие прокалывают себе ноздрю. А к моему образу крошечная сережка-точечка в ноздре подходила как нельзя лучше.

У меня всегда были короткие волосы, мать стригла меня чуть ли не под мальчика все мое сознательное детство, потому что боялась вшей и не хотела заморачиваться с косичками. В этом не стоило ее винить, я и сама терпеть не могла расчески, долгое заплетание и все эти резиночки и бантики, заколочки и прочие радости девчачьих будней.

Лет в пятнадцать я стала красить свою короткую и буйную шевелюру в черный. Природный цвет моих волос – темно-каштановый, но я придавала своей прическе совершенную и окончательную мрачность. Никаких ярких прядей – розовых или, там, синих. Никаких цветных штрихов, только черные четкие линии. Почти мальчишеская стрижка «аля гарсон» превратилась в короткое каре, чуть ли не боб с асимметричными длинными прядями. И все это было совершенно, абсолютно черным.

Глаза я тоже густо подводила черным и носила только черные футболки и толстовки. Этот цвет точно и верно отражал мое настроение, мой внутренний мир. В одном ухе у меня

было три дырки и, соответственно, два гвоздика и одно колечко. В другом – только один гвоздик. Пока что.

В тот день я сделала себе еще одну дырочку. Деньги на это удовольствие заработала сама. В семнадцать лет вполне можно найти работу, тем более в нашем небольшом западно-украинском туристическом городке, где несколько отелей и целая куча кафешек. Я подрабатывала официанткой по пятничным и субботним вечерам. Работа несложная, а чаевые – это просто прелесть и сказка.

И вот я продела крошечную сережку-камешек в ноздрю и в первую очередь заявила к своему парню, чтобы похвастаться новым обликом. Богдан был на год меня старше, но в школу отправился с семи лет и потому учился в параллельном классе. Он был красавчиком в полном смысле этого слова. Высокий, мускулистый, голубоглазый. Темно-русые волосы острижены коротко на боках и затылке, а прядь на темени – так называемый оселедец – завязана в крутой маленький хвостик.

Родители Богдана всю жизнь зарабатывали деньги в Германии, присылая внушительные суммы своим двум сыновьям. Богдан и его младший брат Тимоха жили у бабушки с дедушкой в двухэтажном особняке с красной крышей и коваными воротами. Ворота в доме Богдана всегда были открыты, я еще в жизни не видела, чтобы их запирали на тяжелую металлическую щеколду. Потому я спокойно прошла во двор, миновала будку с шустрым псом Тугаем – тот при-

вычно обнюхал меня, лениво фыркнул и вернулся в будку, махнув напоследок хвостом, – и поднялась по ступеням.

Бабушка Богдана была из тех бабушек, которые считают, что правильно воспитанный ребенок – это накормленный ребенок, поэтому у них в доме всегда стоял запах вкусной еды. Едва я переступила порог, как из просторной кухни раздался мягкий бабушкин голос:

– Мирочка, это ты? Заходи, пицца уже готова. Принесу вам с Даником наверх.

И как только бабушка Богдана узнавала, что это именно я пришла?

– Добрый вечер, Оксана Михайловна! – бодро крикнула я и мигом метнулась на второй этаж.

В комнате Богдана стояли внушительный тренажер, широкая кровать, шкаф-купе и письменный стол. А еще была масса полочек с модельками разных машин – старое увлечение моего парня. Бабушка называла Богдана почему-то Даником или Данцю, когда обращалась к нему. Мне же нравилось полное «Богдан», оно звучало мужественно и четко, как и положено нормальному мужскому имени. Все эти сокращения вроде «Бодика» я терпеть не могла.

Богдан сидел над уроками, но, едва увидев меня, отложил ручку и заулыбался.

– Привет, Мирка. Что нового?

Мы с Богданом были старыми-престарыми приятелями, еще в первом классе ходили вместе в школу. Я много време-

ни проводила в его комнате – тогда он жил в нашем доме, в соседней квартире, – и играла его машинками и конструкторами. Особой романтики в наших отношениях не было никогда и сейчас тоже не появилось. Просто как-то само собой стало понятно, что мой старый друг превратился в моего парня, и мы теперь вместе, хотя больше не собираем «лего» на ковре в детской комнате.

– Да, есть кое-что новенькое. Угадай, что?

Я плюхнулась на свободное кресло у окна, закинула ногу на ногу и широко, довольно улыбнулась. Богдан конечно же не углядит маленькую сережку в носу, он никогда не отличался вниманием к мелким деталям. Хотя будущему программисту не помешало бы.

– Ну... Новые джинсы, что ли? Они такие же черные, как и твои старые... – Богдан с сомнением поднял брови.

– Фу, блин, какой ты все-таки... Внимательней посмотри, внимательней. Представь, что я – твой очередной герой в игре и ты создаешь его облик. Что появилось новенькое?

Богдан прищурился и наконец увидел.

– Ты сделала дырку в носу? Здорово, тебе идет. Как будто родилась с этой сережкой.

– Ну конечно, и всю жизнь с ней проходила, – хохотнула я.

– А маме твоей понравится?

– Это я специально для нее. Сегодня вечером будет весело.

– Она тебе голову оторвет.

– Уже отрывала. Я на свои деньги сделала, имею право. И вообще я взрослая, окончу школу через пару месяцев, поступлю учиться и найду работу. Вернее, просто буду чаще брать смены в своем кафе. И что она мне сделает?

– В каком-то смысле ты права. – Богдан задумчиво почесал ухо.

– Ладно, пойду домой. Самое время пообщаться с мамой.

– Провожу тебя. – Богдан поднялся и торопливо натянул ветровку.

Появилась бабушка и настояла, чтобы мы взяли по куску пиццы. Покидая милый теплый дом с коваными воротами и смешным псом, я дула на обжигающий треугольник в своих руках и думала, как же некоторым повезло с родителями.

Тогда я еще не знала, как повезло мне.

На улице стояла весна, теплая и славная, и ветер приносил миллион невероятных запахов. То ли цветы, то ли камыши у озера – дышишь и не насытишься. Хотелось гулять до самого утра, втягивая в себя ароматный воздух, делать глупости и гадости. Может, танцевать до упаду или разрисовать стены домов ярким граффити. Я сообщила об этом Богдану, и тот заверил, что на выходных обязательно сходим в кино. У него всегда так – самые странные желания обретали вполне реальное воплощение.

Как только добрались до моей пятиэтажки, я хлопнула своего парня по плечу, бросила веселое «до завтра» и кинулась к подъезду. Не любила я все эти нежные прощания, по-

целуи и ласковые взгляды, и Богдан это знал.

Энергия во мне бурлила, точно кипяток в электрическом чайнике, я взлетела на свой пятый этаж со скоростью ошпаренной кошки. А вдруг мать не заметит мое новое украшение и мне удастся спокойно поужинать, сделать уроки и лечь спать?

2

Мою сестру Снежанку вполне можно было назвать симпатичной и даже красивой, я бы сказала. Большие карие глаза, тонко очерченные брови. Всегда розовые щеки и красные пухлые губы. Снежанка обожала сладости, и в ее карманах не переводились шоколадные конфеты. Очень много шоколадных конфет. То ли благодаря этому пристрастию, то ли из-за генов, но Снежанка обладала довольно округлыми формами. Вроде бы и не толстая, но склонная к полноте – вот как это называется. Кругленькая, невысокая – ее макушка едва доставала до моего лба, – медлительная, она казалась мне коровушкой, вышедшей на полянку. Я ее так и называла в приступе злости: «Корова».

Но вообще уживались мы неплохо. Я всегда помогала ей с уроками, мне ведь не жалко. Понимала, что память у Снежанки такая же короткая, как у коровушки, и мыслит она прямо и просто, поэтому без раздражения решала за нее примеры по алгебре и задачки по геометрии. Учились мы с ней

в разных классах, я – в последнем, одиннадцатом, она – в десятом. И разница у нас была один год и три месяца.

И как моя мама умудрилась родить еще одного ребенка, когда я, судя по ее рассказам, в младенчестве орала целыми днями не умолкая? Портила кровь с самого рождения, как говорила мать. Не понимаю, зачем заводить еще одного ребенка, когда и с одним не можешь справиться?

Впрочем, Снежанка была очень милым и послушным ребенком. Еще бы, с таким-то трусливым характером сестрица могла бы стать самым примерным ребенком страны, если бы имелся подобный титул. Никаких глупостей, никаких фокусов. Сестра даже волосы никогда не стригла, потому что маме нравилась ее длинная, темно-русая с медным отливом коса. Волосы у Снежанки действительно были хороши, я ж говорю, сестра отличалась выдающейся внешностью.

Она боялась всего, даже поход в туалет ночью ей казался ужасным приключением. А вдруг там, за дверью, притаились черные вампиры и накинутся на нее, едва она, в длинной пижаме и мягких тапочках, ступит на темную территорию ночного коридора? Поэтому, если вдруг Снежане приспичивало ночью по-маленькому, свет включался сначала в нашей комнате, потом в коридоре, после в туалете.

Снежанка не смотрела никаких страшных сериалов. Ни «Игру престолов» – хотя что там страшного, до сих пор не понимаю, – ни «Дневников вампиров», ни «Сверхъестественного». Только жалкие «Сплетницы» и турецкие сериа-

лы про любовь.

Мне было все равно, что смотрит сестра, ведь по большому счету мы с ней ладили. Снежанка никогда не брала мою одежду – она в нее просто не влезла бы. А это уже большой плюс, потому что я терпеть не могу, когда трогают мои вещи. Моя черная губная помада вызывала ужас у милой, славной Снежанки, а черный лак для ногтей казался безвкусицей.

Я, в свою очередь, никогда не покушалась на ее конфеты, терпеть не могу сладкое. Не прельщалась розовыми футболками с изображением блестящих сердечек и милых зайчиков, не красила ногти белым и розовым и не носила кулончики с золотистыми сердечками. Слишком разные мы с сестрой были, ведь отцы у нас тоже случились разные.

А уроки для Снежанки сделать не жалко, потому что я – отличница и умница, как называла меня лучшая подруга Крестя. Но про своего отца я расскажу попозже.

Итак, я пришла домой в тот вечер, и Снежанка, засовывая в рот очередную шоколадную конфету, сообщила мне, что к маме пришла ее подруга, тетя Света. Теть Свету мы знали чуть ли не с садовского возраста, она приходила к нам раз в два-три месяца, и они с матерью пили черный крепкий кофе, ели бутерброды, иногда выкуривали по сигаретке и долго-долго разговаривали, закрывшись на кухне.

Это называлось «отвести душу», и я не видела в этом ничего плохого.

«Повезло», – подумала я и, вымыв руки и натянув домаш-

ний халат (такой пушистый, мягкий, с капюшоном), устроилась делать уроки. Есть после пиццы не хотелось, потому самое время было заняться алгеброй и историей. Скоро экзамены, и – здравствуй, мединститут. Или медколледж, если завалю тесты.

Я бы так и просидела над уроками с песнями Адама Ламберта в наушниках, если бы Снежанка, перекинув за спину растрепанную косу, не подошла ко мне и не ткнула в бок.

– О тебе говорят, слышишь? – сказала она и выразительно моргнула.

Конечно я не слышала, ведь в ушах надрывался Адам Ламберт.

Из нашей комнаты через длинную лоджию можно было попасть на кухню, и я, стянув тапочки, в одних носках очень тихо прокралась к кухонной двери. Металлопластик, конечно, звуки особенно не пропускал, и сиреневый роллет мешал рассмотреть, что происходит внутри. Но дверь оказалась приоткрыта, видимо, мама с подругой выходили курить. Мать не любила запаха сигарет в квартире, потому курила строго на лоджии, приоткрыв окно.

– Мне тяжело с ней, Света. Иногда я ее боюсь. Но и отдать в ту семью не могу. Что из нее вырастет? Такая же бандитка, как ее родственники?

– А ее отец сейчас где?

– Мертв. В их роду мужчины долго не живут. Это бандитское кодро, я тебе говорю. Но деньги – деньги! – у них есть.

Денег просто завались. Ты ведь не знаешь, я не говорила. Никому не говорила, потому что боялась. Так вот, эту квартиру двухкомнатную купила мне бабушка Мирки, мать Любомира. Причем так, как я вот покупаю себе сапоги. Пошла, оформила документы и дала мне в руки. С одним условием. я не могу ее продать, пока Мирке не исполнится двадцать один год.

– И ты продашь?

– Конечно! Продам и уеду отсюда как можно быстрее. Только Мирку уже не спасу.

– Как она тебя нашла? Ты же тогда сбежала из нашего города?

– Сбежала, с двумя маленькими детьми. Снежанке было несколько месяцев, а Мирке и двух лет не исполнилось. Просто умотала, унесла ноги, когда узнала, кто такой этот Любомир.

– А она тебя нашла?

– Приехала сама. Мы жили в нищете, в старом развалившемся домике моего деда. Вода – в колодце, туалет – на улице. Ни ванны, ни стиральной машины. Я еле тянула на детские пособия, а это – крохи, сама знаешь. Огород копала и морковку с картошкой сажала. И тут она заявила. Привезла игрушки девочкам, одежду, предложила квартиру, работу. Только бы я вернулась сюда. Даже не торговалась. Двухкомнатная квартира с ремонтом, деньги на девочек и помощь с переездом. Потому что ее Любомир уже погиб тогда,

и только одна Мирослава осталась продолжателем их рода.

— И ты согласилась?

— А что мне было делать?

— А ты не боялась, что старуха заберет у тебя ребенка?

— Знаешь, я бы отдала. Мирка уже тогда была невменяемой. Их гены так и перли из ребенка. Ни на миг не могла оставить ее одну, она творила черт знает что. Но мать Любомира ни разу не предлагала забрать. Ни разу, представляешь? Видимо, сама понимала, какие гены растут. А сын ее погиб в той страшной катастрофе пятнадцать лет назад. Пожар, в котором сгорел здешний клуб и пара десятков жителей, помнишь?

— Как же, это все помнят.

— Вот там он и погиб. И я ни разу не пожалела.

Последнюю фразу моя мать произнесла очень тихо, почти прошептала. Но я все равно слышала. Запахнула зачем-то покрепче халат и чуть ли не прижалась ухом к двери, стараясь не пропустить ни слова.

Мать встала, щелкнула кнопкой чайника, стукнула дверцей шкафчика, доставая, видимо, кофе. После скрипнула дверца холодильника и послышалось шуршание бумаги. Взялись делать бутерброды.

— У этой старой пани было два условия, когда она сунула мне в руки документы на квартиру и деньги. Девочки должны расти тут, на западе, в ее родном городе, и носить мою фамилию, а свою настоящую не знать. Я должна была по-

клясться, что исполню эти условия.

– Что значит поклясться? – переспросила тетя Света.

– В прямом смысле слова. «Поклянись мне, деточка. Скажи «клянусь». Представляешь?

– И ты поклялась?

– А мне было тогда двадцать два года. Я была глупой, и у меня голова закружилась от вида денег и документов на квартиру. Собственная двушка, представляешь? Я бы ей тогда поклялась даже в том, что никогда замуж за инопланетянина не выйду. Да и в чем проблема? Мирка и так была оформлена под моей фамилией. И знаешь ли, когда живешь в развалюхе и воду в ведрах домой таскаешь, то долго выбирать не станешь. Этот городок не так уж и плох.

– Хороший городок, – согласилась тетя Света.

– Девочки выросли, я всегда была с работой. Мирка в глаза не видела тех родственничков. Кто знает, может, и убралась бы к ним, узнав, кто они.

– Они бы ее приняли?

– Старая пани приняла бы. Мирка ведь последняя из всего большого рода. Есть, может, еще какие-то дальние, но я их не знаю.

– А Любомир был главарем банды? – уточнила тетя Света.

– Тихо. Не говори никому. Я только тебе одной и решилась рассказать. Так что ты понимаешь, откуда там денежки водились. Вроде промышляли они контрабандой и золотишком. И пара заправок была, с которых они брали свою часть

денег.

– Как рэкетеры...

– Ну, в те времена это было неудивительно. Бандитская кровь у моей Мирки, и я видела это с тех пор, как только она родилась. Вылитый отец, ну просто вылитый отец. Если бы не портила себя этой уродской стрижкой и жутким макияжем, тоже была бы красавицей. Любомир был красавчик, нечего и говорить! Видела бы ты его! Все девчонки западали на него, а он танцевал только со мной на каждом дискотеке. Приходил специально ко мне в наш дом отдыха и стоял под окном. Приносил каждый раз огромный букет роз. Только розы, никаких дорогих подарков. Но зато неподалеку ждала его машина, черный «мерс». И мне страшно все завидовали, когда я садилась к нему в машину. Дура была, я же говорю.

– Ну теперь уже ничего не поделаешь. И не такая уж стерва твоя Мирка. Перебесится, в подростковом возрасте их нынче всех крутит. Безбашенное поколение какое-то выросло, прямо не подступишься. Мой вот вчера пришел пьяный, представляешь? Пятнадцать лет парню всего, а они уже пиво на вечеринке гоняли в таком количестве, что он еле языком ворочал. Заблевал мне весь коридор, паршивец.

– Если бы она просто пришла пьяной, я бы так не переживала. Это обычное. Мне сегодня звонила ее классная. Она избивала мальчика-одноклассника, представляешь? Хорошо, что все обошлось без синяков и травм, его родители подали бы на нас в суд, если бы можно было снять следы побоев...

Я поморщилась. Два подзатыльника Станиковскому рассматриваются как побои? И где это, скажите мне, у него должны были появиться синяки? Разве что на языке, когда он старательно брехал своим родителям. Брехло паршивое...

Ладно, что там мамочка моя дальше напричитает?

– И как ее только в школе держат? – возмутилась тетя Света.

– Так отличница, тянет на золотую медаль. Мозги у нее тоже в отца. Соображает лучше всех. Готовится поступить в медицинский вуз.

– В Старом городе?

– Конечно, это же рядом.

Наш городок действительно находился рядом со Старым городом. Полчасика через лес, по шоссе – и вот вам старые дома и костелы, брусчатка и высокая башня городской ратуши. Вузов там хватало, и добираться до мединститута или универа мне было бы легко.

– Ты слишком мягкая с ней, тебе надо проявлять больше строгости. Нынче детей слишком уж распустили. В наше время семнадцатилетняя девочка и вякнуть не могла поперек матери. Материнское слово – закон, никакой вольности. Я своего паршивца вчера отходила ремнем, чтобы неповадно было пьяным домой заявляться в свои пятнадцать лет. Потерпи еще немного, и поступит твоя Мирка, а ты будешь свободна.

– Конечно. Еще года четыре, и я продам квартиру и уеду. А ее, думаю, будут обеспечивать родственники.

– Как, говоришь, зовут ее бабушку?

– Пани Святослава.

– А фамилия?

– Нет, Света, даже тебе не скажу – крепче будешь спать. У нас тут временами творятся страшные вещи. Маленький город, полный старых историй. Тебе кофе с молоком? Сколько ложек сахара?

– Так я тут недавно. Думаешь, всех знаю? Или они публичные люди?

– Просто забудь. Угораздило меня связаться с этой семейкой.

– А отец Снежаны?

– Он погиб тогда же, в том же пожаре. Только я думаю, это Любомир убил его. Мой бывший сказал, что никто не приблизится к его девушке, то есть ко мне. Я боялась, что он убьет и ребенка, если узнает о моей второй беременности, вот и уехала. А вернулась, потому что Любомир был мертв.

– Да уж, правда, угораздило тебя...

Дальше они заговорили о работе, о начальстве. Немного ругали Михася, сына Светы, которому приспичило перепить пива накануне.

Я вернулась в свою комнату, села за письменный стол. Всткнула наушники и врубила музыку.

Whad'ya want from me, – зазвучало в ушах.

Машинально потянулась за черным карандашом и еще сильнее подрисовала глаза. Добавила темных штрихов губам и после так сжала карандаш, что чуть не сломала его.

– Что с тобой? – удивилась за спиной Снежанка.

– Пошла вон, – буркнула я не оглядываясь.

Почему если ненавидишь отца, то надо ненавидеть и собственного ребенка? Ты же добровольно млела от его роз, красоты и машины! Ты же сама была такой дурой, что каждый вечер садилась в его иномарку!

А я, по-твоему, ужасный потомок ужасной семейки?

Да чтоб ты треснула!

Снежанка отправилась в ванную. Из коридора донесся звук надеваемых сапожек и застегиваемой молнии плаща – мать подруга наконец ушла домой. А мать заглянула в нашу с сестрой комнату.

– Лицо умой, – велела она.

Я промолчала.

– Когда ты перестанешь драться в школе? Сколько можно обижать одноклассников? Ты действительно ждешь, чтобы на тебя подали в суд?

Я не оборачивалась.

– Совесть у тебя есть, Мирослава?

– Не хочу с тобой говорить, – тихо и четко произнесла я, по-прежнему не оглядываясь.

– Хамка. Ты бессовестная хамка! Как ты позволяешь себе разговаривать с матерью? На меня посмотри, дрянь такая! И глаза свои, наконец, отмой от черноты этой! Ты как ведьма с этими глазами! Ведьма и есть!

Мать встала рядом с моим письменным столом. Она входила во вкус, разгоняясь все больше и больше.

– Что ты пристала? Хочешь, чтобы я вообще ушла из дома? Хочешь, чтобы искали, как соседскую девочку? – выкрикнула я ей в лицо. – Отстань от моих глаз! Это мои глаза, как хочу, так и крашу! У тебя деньги не прошу на краску!

– Конечно, дождешься от тебя помощи матери! Еще ни разу в дом буханку хлеба не купила! А жрать так все готовы! А посуду кто мыл сегодня? Снова Снежанка, потому что у тебя, видите ли, времени нет. Шляешься с парнями, после приходишь и матери гадости тут говоришь!

– У Снежаны твоей мозгов хватает только на мытье посуды. Так пусть готовится в посудомойки!

– А ты, видимо, во врачи готовишься? Кто будет взятки за тебя платить в университете? Ты знаешь, сколько сейчас стоит сдать одну сессию?

– Заработаю.

– Официанткой? В своей драной забегаловке? На что тебе

этих денег хватит? На проезд и бургеры?

– Иди отсюда, – процедила я сквозь зубы.

Мать чуть не задохнулась и выдала очередную тираду о том, какое я дьявольское отродье. После наконец повернулась и ушла.

Злость во мне клокотала посильнее, чем вода в электрическом чайнике, и я еле сдержалась, чтобы не крикнуть в круглое материнское лицо, что о моем обучении позаботится загадочная пани Святослава.

Только сначала надо найти эту странную пани, которая приходится мне бабушкой. Ведь правильно? Мать моего отца – моя бабушка. Интересно, обрадовалась бы пани Святослава такой внучке?

Глава вторая. Матвей



Будильник включился ровно в четыре часа ночи. Тихое потрескивание, после – поскрипывание и, наконец, еле уловимое гудение. Матвей не любил громких звуков, не любил современных мелодий и вообще предпочитал тишину. Но в четыре часа утра без будильника не встать никак, поэтому приходилось терпеть неприятные звуки, врывающиеся в сон.

Поднялся, уставился на ночничок, воткнутый в розетку. Слабый свет выхватывал из темноты угол письменного стола, резную ножку стула и потертый полосатый коврик. Второй ночник, у самой двери, освещал тапочки и угол шкафа-купе.

Итак, пятница. Четыре утра.

Пора вставать.

Время приношения наступает в последнюю пятницу месяца, ровно в четыре. Бойся пропустить время приношения.

Эти правила вызубрены и соблюдаются неукоснительно. Когда-то их соблюдал дед и дожил почти до девяноста восьми лет. Вернее, прадед, – Матвею он приходился именно прадедом.

Ноги машинально нащупали резиновые шлепки, руки привычно нажали на кнопку будильника. Спуститься вниз, на кухню. Свет не зажигать, иначе ничего не выйдет. Никакого света, все на ощупь. Только бледные лучи уличного фо-

наря кидают на серую плитку пола скупые световые квадраты, только холодильник, когда его открываешь, приветливо горит желтым. Немного молока. Подогреть. Столько же крови.

Кровь – самая мерзкая часть задачи. От вида этой густой, темной жидкости к горлу подкатывает тошнота, и Матвей с трудом подавляет рвотный позыв. Это еще не самое страшное, говорит он сам себе. Это ерунда. Налить кровь в теплое молоко, после открыть угловой кухонный шкафчик, дотянуться до самой высокой полки. Отодвинуть пустую пластиковую банку из-под давно выпитого «Несквика», затем – упаковку спичек, которая лежит тут с незапамятных времен и которой никто не пользуется. Нащупать жестяную коробочку. Старую жестяную коробочку. Старую, как мир, жестяную коробочку, на которой давно стерся рисунок, и непонятно, когда ее сделали и для чего. Открыть крышку и задержать дыхание. Ни в коем случае не вдыхать, иначе можно грохнуться в обморок от резкого, противного запаха. Один раз Матвея вырубило почти на целый день.

На одних и тех же ошибках учатся только дураки, Матвей не повторит второй раз ту же ошибку. Он не будет таким, как его родители.

Одну щепотку – в молоко с кровью. Готово.

Молоко гасит резкий запах, почти приглушает вонь, и чувствуются только кисловатые нотки крови.

Теперь вниз, в подвал.

Хорошо, что вход в подвал находится не в самом доме, а снаружи, около гаража. На улице почти тепло, воздух влажный и пахнет нарциссами и тюльпанами. У соседки вся клумба засажена этим цветами. Весна, и значит, время цветов.

Матвей двигался бесшумно, его ноги в резиновых шлепках делали совсем маленькие шаги. Вот она, дверь в подвал. В замке – старенький ключ с круглой головкой. Повернуть ключ, открыть дверь, шагнуть внутрь.

Самое сложное – войти внутрь подвала. Отец говорил, что этому старому кирпичному дому больше пятидесяти лет, а фундамент и подвал и того старше. Когда-то тут стоял совершенно другой дом, в котором жили предки Матвея. От того дома остался только кирпичный подвал со старой скрипучей дверью. А в подвале – паутина, темень и одно-единственное окошко, в которое едва попадает свет уличного фонаря.

Ни в коем случае нельзя зажигать другие источники света – так учил прадед.

Подойти к окну, поставить блюдечко и позвать. И все. Можно уходить.

За все время, когда Матвей совершал обряд, существо приходило лишь два раза. Первый – сразу после смерти родителей, когда Матвей участвовал в обряде вместе с прадедом. Тогда он так трясся от страха, что едва не наделал в штаны. И неудивительно, ведь ему было всего девять лет. В этом возрасте он остался сиротой. Абсолютно круглым сиротой, без отца и без матери. Без бабушек и без дедушек. И

только старый-престарый прадед, коричневый, сухой и глазастый, взялся за его воспитание. Опекунство оформили на какую-то дальнюю родственницу, пани Святославу Новицкую, но до этой осени жил Матвей с прадедом, которого называл просто «дед».

Тарелочка звонко стукнула о камень – подвал в доме был выложен маленькими прямоугольными плиточками, до того истертыми и щербатыми, что сразу было понятно – этим плиточкам лет сто, не меньше.

Матвей выпрямился, сощурился, посмотрел в окно на высокий фонарь, горевший около кованых ворот дома. Вздыхнул и собрался уходить, как вдруг от двери – от распахнутой двери, за которой виднелось весеннее звездное небо, – послышались шаги. Тихие, мягкие, еле уловимые. Их никто не услышал бы, но Матвей давно привык улавливать самые тихие звуки. Он умел слышать то, что не слышали другие.

Как будто мягкие лапочки кота ступали по камню и небольшие коготочки стучали – ток-ток-ток.

Существо пришло не из глубины подвала, как раньше. Оно явилось со стороны улицы, наверное, от глухого подвального угла. И при звездном слабом свете Матвей в первый раз его увидел. Конечно, темнота скрывала мелкие детали, но выгнутая мохнатая спина, высоко поднятый хвост и желтые миндалевидные глаза были хорошо различимы. Особенно глаза, желто-оранжевые, с вертикальным зрачком, такие пристальные и злые.

– Я... Я ухожу... – еле выдавил из себя Матвей.

– Уходи. – Голос существа был мягкий, кошачий и еле слышный, как трепетание паутины или шажки тараканов. – Уходи. Тебе надо найти потомка Новицких. Последнего потомка Новицких. Это и будет тот родственник, который достанет Желанную. Делай то, что тебе говорят, мальчик.

Здоровенный котяра вдруг зашипел, раскрыв пасть, и кинулся на Матвея, точно огромный пушистый шар.

Матвей, хорошо наученный дедом, был готов к такой выходке. Он увернулся, отскочил вправо – там была подходящая ниша, – а после ринулся к двери, к свободному проходу. Выскочил на улицу и с силой захлопнул дверь. Повернул ключ, прислушался.

Вокруг царила полная и совершенная тишина. Такая весенняя, нежная тишина, в которой слышно, как шелестят лепестки на только что распустившейся вишне, как мягко потрескивает крыльями ночной мотылек, недавно проснувшийся к жизни. Как ворочается в своей ямке крот, как медленно и торжественно двигаются по небу небольшие облака.

Все это казалось бы сном, если бы не резкий запах крови.

Матвей всегда очень тонко чувствовал запахи, мог различать самые слабые, самые незаметные ноты. А сейчас запах крови перебивал все остальное. Потому что это была его собственная кровь. Длинные царапины на руке еще не болели, но совсем скоро они начнут ныть и саднить. Никакие обезболивающие не помогают против царапин Скарбника.

Если поцарапает кот-скарбник, это будет болеть долго.

2

Свет в кухне включился с мягким щелчком, заливая просторное помещение. Блеснул циферблат черно-белых часов, довольно улыбнулся блестящий нержавеющей чайник. Разноцветные лоскуты ковриков на светло-серой плитке, мягкие сидушки на стульях с резными спинками придавали помещению особый уют.

Коврики и сидушки когда-то подбирала мама, и на всех имелось изображение кота. Коты здесь были везде – на смешных картинках, на кружках и даже на тарелках и ложках. Символом достатка их дома был кот-скарбник – тот, кто охранял и умножал богатство.

Дед всегда говорил: «Не забывай, кому ты обязан своим существованием. Деньги тебе пригоняет семейный Скарбник».

Деньги в семье Матвея были всегда. Большой дом в три этажа, гараж с двумя машинами, три продуктовых магазина, небольшая автомойка у въезда в город – все это принадлежало его семье, а теперь лишь Матвею, потому что от большого семейства Левандовских остался только он, восемнадцатилетний парень.

О Скарбнике в семье не любили говорить вслух. До определенного времени – до самой смерти родителей – Матвей и

не знал, что есть такая традиция – ночами задабривать кроважадную тварь. Ну, любит мать котов и все, что с ними связано, – везде в доме коты, даже солонка выполнена в виде маленькой симпатичной кошечки. И только когда машина родителей разбилась на шоссе, а старый коричневый дед, придя вечером домой к Матвею, сообщил, что будет теперь жить с ним, древняя легенда стала явной и осязаемой.

– Твоя мать погибла, потому что не желала соблюдать традицию, – сурово сказал дед однажды вечером. – Но мы это быстро исправим. Ты уже не маленький мальчик, и пора тебе стать тем, кто ты есть по праву рождения.

– А кто я по праву рождения? – не понял заплаканный Матвей.

– Скоро узнаешь.

И в последнюю пятницу месяца дед разбудил Матвея ночью и заставил спуститься в подвал с мисочкой молока и крови.

Скарбник появлялся редко, крайне редко – только если надо было выполнить какое-то задание. Чаще всего он оставлял надписи на запотевшем окне кухни, и ничего страшного в них не было, ими занимался дед, а от Матвея лишь требовалось раз в месяц ночью наливать молоко и кровь и относить в подвал. К такому занятию скоро привыкаешь и уже не трясешься, как припадочный, и миска перестает дрожать в руках.

Что делать с надписями на окнах, дед всегда знал. Матвей

в это не старался вникать.

Конечно, свои побочки от того, что ночами кормишь нечисть, безусловно, будут. Ночи перестали казаться уютными и мягкими. Снились кошмары, темнота пугала до жути своей непредсказуемостью и нелогичностью. Вроде бы Матвей и понимал, что в шкафу-купе не может сидеть лохматый домовой, но все равно засыпал лишь при свете двух ночников. И в коридоре тоже должны были гореть ночники, только тогда сны становились спокойными. Более-менее спокойными.

Дед пропал внезапно.

Он и раньше мог не прийти ночевать, сказав, что имеются дела на хуторе. Но в этот раз, когда спустя три ночи старик не появился на пороге и не крикнул своим низким, хриплым голосом: «Матвей, что делаешь?», в душе зашевелилось беспокойство.

А утром, спустившись на кухню и включив чайник, Матвей оглянулся и увидел надпись на кухонном окне. На запотевшем стекле кто-то словно вывел указательным пальцем два предложения:

Стефан умер.

Достань Желанную книгу.

Эти простые слова заставили сердце колотиться до боли в ребрах. Матвей словно онемел. Тут же понял, что в кухне еле уловимо пахнет подвалом, старыми кирпичами и паутиной, а на полу уже чудились следы больших кошачьих лап.

Была поздняя осень, конец ноября, и последняя пятница уже миновала, но от этого не становилось спокойнее. Вот пока в доме жил дед, можно было не сомневаться, что Скарбник не покинет подвала.

– А если Страшный кот придет к нам сюда? – спрашивал Матвей у деда, когда был моложе.

– Я тот, кто заклиняет Страшного кота. Я не позволю ему прийти. А после моей смерти ты станешь тем, кто заклиняет Скарбника. И ты не позволишь ему прийти, – уверенно говорил дед, сверкая темными блестящими глазами. И улыбался, показывая ряд целых белых зубов.

– Сколько тебе лет, дед?

– Много. Очень много. Я родился здесь, когда на месте особняка твоего отца стоял другой, старый дом. Я родился в этом старом доме, – важно сообщал дед и хитро подмигивал.

Теперь деда не стало, и повеления Скарбника следовало выполнять Матвею. Про Желанную книгу он кое-что слышал, но совсем немного. Дед не любил об этом говорить, лишь пару раз обмолвился, что давным-давно из-за одной старой книги началась вражда между влиятельными семействами этого города.

– Это древние семьи. Их предки, как и наши, покоятся на старом польском кладбище в глубине леса за церковью, – пояснял он. – Все хотели обладать книгой, но досталась она нам. Никто об этом не знает и знать не должен. Смотри не болтай.

Впрочем, Матвей никогда и не болтал. О таких вещах не говорят. О таких вещах даже думать временами страшно.

Где достать Желанную, было совершенно непонятно. Но Скарбник сам подсказал. Он явился в следующем месяце, ночью, как обычно, когда Матвей принес ему неизменное блюдо с молоком, кровью и священными травами. Это был второй раз, когда существо предстало перед ним воочию – мохнатой фигурой в темноте подвала.

– Желанная книга на хуторе, в доме Стефана, – промурлыкал кот. – Твой прадед Стефан был ведьмаком, он ушел от тебя, чтобы не передавать своего дара. Кровный потомок, который первым войдет в его дом, станет его преемником. Станет ведьмаком. Ты хочешь быть ведьмаком, мальчик?

Матвей тогда вздрогнул и уставился на Скарбника. Вытащился, точно заговорил плюшевый мишка, который сидел на полке с игрушками.

– Не хочу, – тихо выдавил из себя.

– Найди еще одного потомка Стефана. Кровного потомка. И достань Желанную.

Но найти потомка деда оказалось не так-то просто. Матвей искал, искал и искал и пришел к неутешительному выводу, что лишь его отдаленная родственница Святослава Новицкая является троюродной племянницей деда Стефана. Ей уже было около шестидесяти лет, и Матвей понятия не имел, как заставить ее войти в дом умершего прадеда.

И вот теперь Скарбник заявил, что есть еще один пото-

мок, кто-то, кто родился по линии Святославы. Ее сын Любомир погиб еще тогда, когда война между семьями, сделав новый виток, привела к очередной катастрофе в их маленьком городке. Но Любомир был очень молод. Неужели он успел кого-то оставить после себя?

Конечно, пани Святослава, эта важная пани с голубыми глазами и высоко вздернутым подбородком, ничего не скажет. Посоветует лучше учить уроки и мыть руки перед едой, – она всегда говорила эту чушь, изредка навещая Матвея.

Но тогда как найти этого потомка?

Что сказал бы дед?

Он сказал бы: «Ищи в библиотеке церкви».

Значит, туда и надо отправиться.

Глава третья. Мирослава



Мое полное имя и фамилия – Назаренко Мирослава Андреевна.

Отчество, конечно, не настоящее, это по бабушке со стороны матери. Но то, что мой родной отец звался Любомиром, я знала, мать как-то проговорила. Теперь вот знала, что бабушку зовут Святослава. Красивое имя и неожиданное для девочки. Вернее, теперь уже для бабушки, ведь мать Любомира не могла быть молодой.

Где искать информацию, я понятия не имела. Думала зайти в ЗАГС, спросить, они там точно должны знать. Или в паспортный стол? Посмотрим.

Утро началось с того, что Богдан написал в «Вайбер». Его банальное «Привет, как дела? Проснулась? Накрасилась?» немного улучшило настроение.

Снежанка еще ворочалась в постели, а весеннее солнышко вовсю заливало нашу комнату, ложась на пол и на коврик яркими теплыми квадратами. Умыться, включить музыку в наушниках. Сделать макияж.

Утром, пока я сидела перед зеркалом, на меня всегда нападало вдохновение. Я тщательно выводила чернущие стрелки на глазах, подкрашивала брови и обводила темным карандашом губы.

Конечно, учителям такой имидж не нравился. Наш новый

классный Григорий (мы его так называли даже в глаза, очень уж он был молодым), как только видел меня, сразу начинал причитать, что я порчу красивую внешность мрачным макияжем. Особо меня не гоняли, ведь я же была гордостью школы. Все олимпиады по химии – на мне, по польскому и английскому – тоже на мне. Но для почетной фотографии в вестибюле школы меня попросили не краситься, на что я твердо сказала, что в таком виде меня никто не узнает. Подумают, что это фото какой-то незнакомой девочки.

Мать собиралась на работу. Она работала в местном магазинчике. Получала неплохо, кстати, нас со Снежаной хорошо кормили и одевали. И каждый год вывозили на море. В то утро я вдруг подумала, что, возможно, благодаря деньгам пани Святославы.

Допив кофе, мать подскочила, убрала в карман телефон и наконец увидела мое лицо. Возможно, если бы я в этот момент стояла к ней спиной, набирая воду в чайник, утро прошло бы совершенно по-другому. Но, увидев мой макияж и сережку в носу – камешек так славно поблескивал этим ярким солнечным утром, – мать не выдержала.

Что это я придумала? Зачем уродую себя новой дыркой в теле? (Мать так и сказала, «в теле».) Тогда уж можно и деревянные бусы на шею, и пальмовую юбочку на талию, как в племени тумба-юмба. И если в школе на меня еще раз пожалуются, то она отведет меня к психологу, чтобы помогли справиться с лишней агрессией, потому что только агрессив-

ные люди избивают своих одноклассников и красят лицо в черный цвет.

И вообще она видеть меня не может, с этим моим чудовищным лицом.

– И есть не дам, пока не будешь выглядеть, как человек! Вынь этот камень из носа!

Я в долгу не осталась и тоже завелась, как музыкальная шкатулка. Заявила, что она не имеет права вмешиваться в мою жизнь, что она – склочная мать, которая только и умеет, что орать, и мне плевать, нравится ли ей мой внешний вид.

Прооравшись, мать хлопнула дверью, я же выругалась ей вслед и сердито зашипела, плеснув кипятком на палец, когда делала себе кофе.

Все шло своим чередом.

– Наорались? – пробормотала Снежанка, осторожно выходя на кухню. – Стены в доме тряслись, наверное. Я вчера эту твою сережку и не заметила, темно было и поздно.

– Тебе и не надо было замечать.

– Так ты для нее это сделала?

– Для себя.

– Конечно, оно и видно. Чем ты завтракаешь? Там еще остались хлопья?

– Я не завтракаю, мать не желает меня кормить. Пью кофе и ухожу. Куплю себе круассан по дороге.

Каждый класс в любой школе делится на группировки. Умные – к умным, наглые – к наглым, красивые – к красивым. Дураки, соответственно, к дуракам.

В этом нет ничего удивительного, и это старо как мир. В моем классе же все было не по-человечески. Конечно, Шпаковская Христя всегда собирала вокруг себя тусовку длинноногих, с розовыми и красными ногтями и тщательно выпрямленными утюжком волосами. Но к ним постоянно жаждала присоединиться Ира Поверчук (Поверчучка, как мы ее называли).

Создавая Иру, природа погорячилась и наградила ее слишком крупными формами. Большая грудь и заметная попа – это неплохо. Но нос-картошка и круглые щеки делали Иру немного смешной и похожей на крепкую сельскую девочку, которая по вечерам доит коров. И к тому же Поверчучка совершенно не умела одеваться. Она могла припереться в мятой длинной футболке и обтягивающих легинсах, которые я бы даже в руки не взяла, или натянуть узкую и короткую юбку, трещащую по всем швам на ее объемистой фигуре.

Но Ира жаждала общества Христи и ее красоток, потому что тщательно красила ногти красным, губы – тоже красным и каждый день распускала волосы.

Ну, пусть себе делает, что хочет, мне до Ирки и Христи не было никакого дела, собственно. Но некоторые люди умеют попадаться под руку. Ирка заявила в школу в каком-то дурацком коротком свитшоте и потрепанных джинсах с низкой посадкой, отчего отлично можно было наблюдать не только ее талию, но и кое-что пониже. Конечно, на улице весна и теплые деньки, но это не повод глупо выглядеть.

Христия сидела на парте с телефоном и, увидев Ирку, тут же ее сфоткала.

– Где ты взяла эти штаны? – хохотнула она. – У младшего брата? Так они не налезают на тебя, разве не видишь?

– Зачем ты меня сфоткала? – пробормотала покрасневшая Ирка и возмущенно уставилась на подругу.

– Выложу в наш общий чат. Пусть посмотрят на современный лук. Новое веяние моды. Надень штаны младшего брата и будешь в тренде, – довольно пропела Христия.

Я прошла мимо нее к своей парте, слегка пихнула локтем – незаметно так, – и телефон отлетел в сторону, к моим ногам. Христия заверещала. Я подняла ее девайс, посмотрела на футляр, на защитное стекло. Цел, все ок. Быстро удалила дурацкую фотку. Христия уже верещала, вцепившись ногтями в мое плечо.

– Отдай сейчас же, Мирка! Руки свои черные убери от моего телефона!

Я медленно развернулась, и Христия тут же отступила.

– Что ты там сказала про мои руки? – Я положила злопо-

лучный девайс на парту, чтобы, не дай бог, не уронить еще раз, и сделала шаг к нашей школьной красавице. – Ну, повтори, повтори.

– Пошла ты вон, дура. Не смей трогать мой телефон.

Я сделала еще один маленький шаг к Христе, после резко заломила ей обе руки за спину. Нависла над этой дурехой и, глядя прямо в ее глупые голубые глаза, пообещала накостылять в следующий раз как следует, если скажет хоть что-то еще про мои руки.

– Ясно? И забирай свой телефон, эта блестящая штучка никому не нужна.

Я ж говорю, умные – к умным, красивые – к красивым, наглые – к наглым. А наглой в нашем классе была именно я. Христя меня за это терпеть не могла, но, самое удивительное, и Ирка – тоже. Она метнула на меня такой злой взгляд, будто я только что именно ее телефон уронила на пол.

– Чего ты всегда лезешь? – яростно прошипела она. – Какое тебе дело до чужих гаджетов?

«Вот и делай после этого добро людям», – подумала я и, отвернувшись, устроилась на последней парте. Я ведь была самой высокой девочкой в классе, потому сидела на камчатке.

Первым уроком у нас был польский.

Про нашего Григория Лушу я расскажу отдельно. Этот парень только в прошлом году окончил магистратуру и пришел работать к нам в школу. А поскольку с учителями в школах

всегда напряженка, то ему дали сразу несколько классов, и наш в том числе. Сначала он только проводил уроки польского, и наши девчонки ни разу не пропустили ни одного занятия. Мало того, они все как одна рвались к доске и с удовольствием писали диктанты. Слушали его раскрыв рты, и вообще у меня создалось такое впечатление, что женская половина класса поглупела и влюбилась одновременно. А потом его назначили нашим классным руководителем.

Впрочем, не влюбиться в Григория Лушу было сложно. Мне и самой он нравился, несмотря на моего Богдана. Глаза у него были кошачьи, зеленые, слегка раскосые, а кожа – немного смуглая, матовая. Волосы коротко стрижены и слегка приподняты спереди. Конечно, он завел себе для солидности маленькую бородку, даже не бородку, а этакую небридность, но это только добавляло Григорию шарма.

Носил он клетчатые рубашки поверх футболок или прикольные свитшоты с капюшонами. И умел потрясающе шутить. Казалось, его ничем нельзя вывести из себя. Даже когда пацаны на последних партах принимались дружно рубиться в игры, он умел разрулить такое безобразие. Парочка шуток, парочка смартфонов – на учительский стол, и всегда спокойный, веселый голос, как будто не хулиганов урезонивает, а разъясняет особенно сложное правило польского языка.

Мальчишки наши, конечно, немного ревновали к Григорию и могли подложить ему на стол липкого лизуна или на-

сыпать шелухи от семечек, но такой ерундой нашего классного было не пронять. Он ловко смахивал в мусор все их сюрпризы и начинал урок, широко улыбаясь и обводя класс прищуренными зелеными глазами.

Вот к Луше я и обратилась за советом.

Польский у нас был последним уроком, и, когда прозвенел звонок, возвещающий конец учебы, я пересела на первую парту прямо перед учительским столом и спросила:

– Где можно найти информацию о родственниках, имеющих польские корни?

Если Святославу называют «пани» то вполне логично предположить, что ее предки были поляками.

– У тебя есть родственники – поляки? – удивился Григорий.

– Я думаю, что есть. Хотелось бы отыскать информацию о них.

Григорий убрал в свой рюкзак тетради и ручки, после взглянул на меня, прищурился и уселся на стул.

– Знаешь старую церковь у леса? Которую построили лет четыреста назад.

– Кто же ее не знает?

– Там есть старая библиотека-фонд. Спроси у сотрудников, может, они подскажут.

– Что за библиотека-фонд? – не поняла я.

– Фонд со старыми церковными книгами, в которых велись записи о свадьбах и крестинах. Возможно, там ты най-

дешь то, что тебе нужно.

– Ладно, спасибо за совет.

Я вскочила и закинула рюкзак на плечо.

3

«У тебя уже закончились уроки?» – написал в «Вайбер» Богдан.

«Встречаемся у ворот школы», – последовал мой ответ.

«Сходим куда-нибудь?»

«Сегодня не могу, есть одно дело».

«Какое?»

Пальцы мои уже приготовились набирать текст, но тут мимо пробежал какой-то младшеклассник и толкнул меня под руку. Рука дрогнула, и драгоценный мой «самсунг» чуть не полетел на каменный пол.

– Зараза, – буркнула я вслед бегущему пацану. – Носятся, как ненормальные, и куда только учителя ваши смотрят.

Сбоку показалась целая ватага младшеклассников, похожая на стаю диких обезьян, и я поторопилась к выходу. В раздевалке накинула на себя ветровку и выскочила в свежий весенний полдень.

Солнце заползло за облака, ветви деревьев мелко дрожали от ветра, роняя вниз белые и розовые лепестки. Богдан ждал меня у больших черных ворот школы, укрывшись от окружающих школьных шумов неизменными белыми науш-

никами.

– Может, все-таки в кафешку? – предложил он и сощурился.

Глаза Богдана почему-то показались темно-серыми, то ли от тени березы, под которой он стоял, то ли от набежавших облаков. Я невольно улыбнулась и легонько чмокнула его в щеку.

– Нежности? – улыбнулся в ответ он.

– Хороший сегодня день.

– Значит, кафешка?

– Нет, надо сделать одно дело.

– Какое?

– Хочу сходить в церковь.

Богдан удивленно поднял брови, глянул пристально и переспросил:

– Ты пойдешь в церковь?

– Ну да.

– Тебя не пустят. Скажут, что ведьмам вход запрещен. Ты себя видела со стороны, Мирка? Ты же чернее черта.

– А что, черти не могут верить в Бога, что ли? Имеют право. И потом, мне надо в библиотеку.

– Так в церковь или в библиотеку?

– Наш Григорий говорит, что в старой церкви есть библиотека. Хочу доклад по истории подготовить, нужна информация о нашем городе.

– А, ну ясно. Уроки, значит. Тогда я не с тобой. Мне своих

уроков хватает.

– Встретимся сегодня вечером. Я забегу к тебе, ладно?

– Да, давай.

И, поправив сумку, я бодро направилась вниз по дороге. Туда, где за шоссе начинался высокий лес, а в лесу стояла церковь.

4

Бывают такие люди, которых не замечаешь. Просто не обращаешь внимания, и все. Вроде бы есть рядом человек, но он серый, молчаливый, незаметный, как тень или мышка. Вот приходит на уроки, сидит со всем классом, но от него и словечка никто не услышит.

Матвей был как раз из таких людей. Иногда мне казалось, что его отправили в школу в пять лет, и он все никак не может дорасти до своих одноклассников. Конечно, мне, самой высокой девочке в классе, легко было рассуждать на тему роста. И конечно, мальчики вырастают позже девочек, это все знают.

Но Матвей был очень уж каким-то маленьким. Худой, с торчащими лопатками и оттопыренными ушами, он казался двенадцатилеткой, случайно затесавшимся в выпускной класс. Он никогда не выходил к доске, а если его спрашивали, мямлил таким слабым, дрожащим голосом, что никто ничего не мог понять, включая учителя.

Ни разу в жизни я не видела Матвея с друзьями. Говорили, что у него нет родителей, они вроде как разбились на машине в гололед. Что живет он со своим дедушкой – оно и было видно. Носил какие-то серые рубашки и серые кофты, голову втягивал в плечи, точно черепаха, и вообще походил временами не на мальчика, а на старичка. Вот этого Матвея (даже фамилия его никак не приходила на ум) я и встретила в библиотеке.

Библиотекарша в первую очередь спросила мое имя и фамилию, после ткнула пальцем в ряды стеллажей и велела искать там. Я какое-то время послушно рылась в стопках богословской литературы, после погрузилась в огромное количество классиков. Гоголь вместе с Пушкиным, полно Достоевского и всяких других умных и нужных книг. Но в моей-то проблеме ни Гоголь, ни Достоевский помочь не могли.

– А есть какие-то старые списки жителей города? – уже в десятый раз спросила я.

– Нет, ничего такого нет. Надо обращаться в архив, – четким и ясным голосом, тоже в десятый раз, повторила терпеливая библиотекарша.

Безнадежно углубившись в ряды стеллажей, я вдруг услышала шаги. Выглянула из-за книжного ряда – и опа! – Матвей. Шаркает ногами, тянет за собой сумку. Вид такой, будто только что проснулся и страшно удивляется этому солнечному миру. А он что тут делает? Книжки церковные, что ли, читает?

Любопытство разобрало меня, и я решила понаблюдать за серым мышонком.

Матвей дошаркал до библиотекарши и шелестящим голосом сообщил, что его зовут Матвей Левандовский и ему нужна церковная библиотека. Вот так и сказал: «Мне нужна церковная библиотека».

И библиотекарша – пожилая дама с кудряшками и в круглых очках – и не подумала советовать ему поискать на стеллажах классики и богословия. Она вдруг поднялась и махнула рукой куда-то вбок, сказав: «Проходи, конечно».

Куда это он должен пройти?

Я сама превратилась в мышку-норушку и последовала за Матвеем так тихо, что даже шнурки на конверсах не шуршали. Ступала чуть ли не на носочках и не дышала. Ага, идет в противоположную сторону, куда-то вглубь. Я – за ним, все так же тихо. Он открыл толстую деревянную дверь – старые филенки с резным узором – и скрылся где-то в темноте. И что, мне туда тоже можно?

Я шагнула за Матвеем. Дверь не скрипнула, открывшись легко и мягко, в нос ударил затхлый запах склепа, плесени и ветхой бумаги, и глазам предстала совершенно другая библиотека.

Какие-то покосившиеся стеллажи, заставленные такими древними книгами, каких я сроду не видела. Здоровенный камин с прогоревшей золой, высокие серебряные подсвечники на столе с резными ножками. И голова дракона на ста-

рой-престарой картине.

– Что ты тут делаешь, Мира? – прозвучал над головой звучный низкий голос.

Я оглянулась и охнула. Передо мной стоял Матвей, но только совсем не похожий на себя самого. Что-то с ним случилось странное, с этим серым парнишкой. Что-то сильно изменило его.

Глава четвертая. Матвей



Изменять внешность дед научил его еще лет в двенадцать.

– Не стоит привлекать к себе внимание, – сказал он. – А

ты выглядишь слишком уж ярко.

– Почему не стоит? – удивленно поднял брови Матвей.

– Потому что есть два клана, в которые входят старинные семьи нашего города. Между этими кланами уже давно идет война. Ты рожден Матвеем Левандовским, ты – последний потомок древней фамилии и член одного из кланов. Но ты сейчас один и беззащитен, а вокруг много страшных людей, о которых тебе лучше не знать. Еще лучше вообще держаться от всего этого подальше, но у тебя не выйдет. Поэтому старайся пока быть незаметным.

– А как?

– Мы сделаем так, чтобы на тебя никто не обращал внимания. Такие штуки я умею делать, – проговорил дед и высоко поднял темные четкие брови.

Матвей глянул на себя в зеркало – зеркал в его доме было всего парочка, в ванной и в коридоре – и вздохнул. Конечно, его внешность не назовешь самой обычной, хотя бы потому, что у него разные глаза. Один – золотисто-карий, другой – темно-серый, с черным ободком вокруг зрачка и крошечными точками.

Разные глаза, слегка смуглая кожа. Крупный рот и подбор-

родок с ямочкой. Темные волосы – густые патлы, которые Матвей стриг коротко, иначе было не прочесать и не уложить.

Был ли он симпатичным? Двенадцатилетний Матвей об этом не задумывался, но в девятнадцать уже вполне понимал, что выглядит, как... Как правнук ведьмака он выглядит, дико, страшно и невероятно привлекательно. Иногда его так и подмывало снять с запястья дедов оберег и прийти в класс таким, какой он есть на самом деле. Пусть увидят его все, и Мирослава Назаренко наконец тоже заметит мальчика с соседней парты.

Но Матвей опасался. Опасался того, что случится вскорости, опасался нарушить дедов наказ... И еще он боялся Скарбника. Он понимал, что оберег охраняет не только от внешнего мира, но и от того, кто живет в старом подвале.

Дедов оберег представлял собой кожаный шнурок с нанизанными на него черными бусинами и сушеными ягодами рябины. Между черными бусинами и рябинками кое-где был вплетен черный мелкий бисер, и все вместе они составляли загадочный узор, который довольно необычно смотрелся на руке. Никто, кроме Матвея, браслета видеть не мог, и, когда он натягивал эту странную легкую штучку, его облик для всех становился другим.

– Ты будешь как размытый дождливый день, – приговаривал дед, в первый раз затягивая кожаный шнурок на запястье внука. – Ты будешь как туман, который расползается прямо

перед глазами.

Так оно и было. Никто не замечал Матвея. Никто не дразнил его, не обижал. Никто не предлагал дружбу, не задавал вопросов, не угощал чипсами. Его сторонились, и Мира всегда смотрела мимо, как будто мальчика Матвея не существовало вовсе.

Миру Матвей заметил в прошлом году, когда в очередной раз решил не переходить в следующий класс. Он знал все школьные предметы и мог бы успевать на «отлично», но не хотелось покидать уютные стены школы, оставаться одному в доме. Поступать куда-то учиться не велел дед, потому что некому тогда было бы смотреть за старым домом и кормить Скарбника.

– У тебя и так есть деньги, парень. И пока старый котяра живет в подвале, они будут всегда. Просто помни о Скарбнике, и все, – приговаривал дед.

Матвей не решался его послушаться, поэтому два раза оставался на второй год. И вот в очередном десятом классе он увидел Миру.

Она была высокой, худой и удивительной. Как только она вошла в класс, загорелая, напряженная, с этими ее слегка раскосыми черными глазами, с этой черной подводкой, Матвей уставился на нее, как на чудо.

Ее о чем-то спросил учитель, Мира ответила – кажется, пошутила насчет новых дырочек в ухе, – и улыбнулась, показывая ряд ровных зубов. Она казалась натянутой струной,

готовой вот-вот сорваться, или загадочной феей ночи, умеющей колдовать.

Матвей не мог понять, действительно ли она ему нравится или просто притягивает своей странностью. Но он чувствовал, что нашел бы общий язык с этой черной девчонкой в белых конверсах. И он ждал своего часа, долго и терпеливо ждал.

2

В старую церковную библиотеку пускали не каждого. Конечно, речь шла не о внешней, с самыми обычными книгами. Посвященные люди знали, что подразумевается под словами «старая церковная библиотека».

Книги по истории Вартовых кланов, по настоящей истории города не лежали на виду у всех и каждого. Они находились в старой комнате, которая была скрыта от посторонних глаз.

Конечно, библиотекарьша по привычке всегда уточняла имя и фамилию того, кто спрашивал про церковную библиотеку, но и так все посвященные знали, что увидеть старую деревянную дверь могут только потомки тех, кто ее создавал.

И потому, когда дверь церковной библиотеки внезапно открылась и в прямоугольный квадрат света шагнула Мира, Матвей застыл. Он успел снять свой оберег, поскольку нахо-

дился тут один и желал выглядеть, как на самом деле.

Браслет был торопливо засунут в карман, и в этот момент, очень некстати, появилась Мирослава. Матвей изумленно уставился на высокую гордую девчонку, после, наконец, выдавил из себя:

– Что ты тут делаешь?

– А ты что? – в свою очередь спросила Мира и подняла брови. Она разглядывала Матвея совершенно открыто и без всякого смущения.

– Что ты тут ищешь?

– Книгу. Хочу почитать. А ты что ищешь?

– Из какого ты клана? – Матвей спросил напрямик.

– Что? – Мира нахмурилась. – Мы что, играем в горцев?

И тут Матвея осенило. Догадка возникла в его в голове так быстро, словно кто-то подсказал ему ответ на вопрос.

– Ты потомок Новицких? – быстро спросил он.

– Нет. Ты же знаешь мою фамилию, ты учишься в моем классе.

– Ты... Ты знаешь, кто я? Ты видишь меня...

– Ну, ты поменялся. У тебя, оказывается, разные глаза. Черт, это смотрится как... Как будто ты колдун. И почему я раньше не замечала?

– Не знаю, – пожал плечами Матвей. Ему было интересно, каким Мира видит его сейчас.

– Ты ловко притворяешься дурачком, между прочим, – продолжила Мирослава. – У тебя это хорошо выходит. А

сам проводишь время в церковной библиотеке. Ладно, давай посмотрим, что тут есть. Ты знаешь, где находятся хоть какие-то списки старейших жителей города?

– А зачем тебе? – поинтересовался Матвей, наблюдая, как бесшумно и медленно закрывается дверь в старый склеп.

– Хочу узнать фамилию своей дальней родственницы, чтобы найти ее. Она вроде бы полька. Или ее предки были поляками.

– Да, можно узнать. Как ее зовут?

– Пани Святослава. Так моя мать ее называла.

Матвей уставился на Мирославу, не веря своим ушам.

Только одну Новицкую из всех кланов называли пани Святославой, не прибавляя фамилии, – так было принято к ней обращаться. И именно ее потомка должен был найти Матвей.

– А еще что-нибудь про нее знаешь? – осторожно уточнил он.

– У нее был сын Любомир. Больше не знаю ничего.

– Этого слишком мало. Пани – это же польское обращение к женщинам, а не часть фамилии.

– Я знаю, болван.

– А по одному имени сложно найти. Святослава – довольно распространенное имя. Было лет пятьдесят назад. Давай посмотрим на всякий случай. Но вряд ли ты что-то найдешь.

Фамилия у Миры была Назаренко. К кланам Варты она не имела никакого отношения. Если бы Мира что-то знала о

Темных, о своем происхождении, то носила бы свою настоящую фамилию.

Или она тоже скрывается, как Матвей?

Сейчас все кланы ищут Желанную книгу, об этом предупредил дед Матвея. Всем нужна эта старая реликвия, которая обладает магическими свойствами. Какими, дед особенно не распространялся, считая внука слишком юным.

– Это – соблазн. Для тебя она будет соблазном, – пояснял дед, тыча пальцем в грудь Матвея. – Ты не устоишь, попадешься на крючок. Так что лучше тебе пока не знать. До поры до времени.

Матвей и не любопытствовал, но догадывался. Кое-что о Желанной книге можно было отыскать на страницах пожелтевших, растрепанных фолиантов в церковной библиотеке.

Ему страшно не хотелось погружаться в глубину этих колдовских и тайных дел, во мрак тех знаний, которыми владел его дед. Он желал быть обычным, самым обычным мальчиком – играть в компьютерные игры с друзьями, бегать на футбол, ходить в пиццерию, болтать после школы.

Он желал познакомиться поближе с Мирой. И вот последнее его желание неожиданно сбылось, но Мира оказалась как раз той девочкой, которую велел найти Скарбник. Мира могла вынести Желанную из дома прадеда. Из того самого дома, который только и ждал последнего потомка из их клана, чтобы наделить его силой ведьмаков.

– Посмотрим тут на полках, – хмуро сказал Матвей и при-

нялся перебирать старые чертежи городских домов.

Он, конечно, знал, где находится архивная летопись кланов. Сам собирался порыться в ней, но теперь необходимость отпала. Потому он даже не станет доставать ее из старого сундука, просто поводит ничего не понимающую Миру по рядам, покажет ей старые, ничего не значащие свитки, а после...

Что после? Пригласит в кафе?

Или, может, к себе домой?

– Мы тут ничего не найдем, – сказал Матвей после того, как они вдоволь нашуровались по деревянным темным полкам и надышались столетней пылью. – Знаешь, что? У моего деда в доме должна быть старая-престарая Библия, он туда на последние, пустые страницы вписывал все роды этого города. Ему, кстати, исполнилось девяносто восемь лет этим августом.

– Может, у него самого спросим? – быстро спросила Мира, тщательно вытирая пыльные ладони влажной салфеткой.

– Может, – уклончиво ответил Матвей. – Пошли отсюда. – И распахнул входную дверь.

3

Старая церковь Всех Святых стояла у самого леса. Ее построили лет четыреста назад, и стены уже давно облупились, а статуи святых больше походили на мертвяков. Лицо ка-

менного святого, стоящего у самых ворот, стерлось, и лишь странные провалы на месте глаз, казалось, неотрывно наблюдали за входящими и выходящими.

Церковная библиотека размещалась в небольшой пристройке рядом, но склеп со старыми книгами находился под самой церковью. Матвей отлично понимал, как расположены старые залы и входы. Чтобы попасть в библиотеку, надо было спуститься в подвал пристройки, а оттуда резная, темная деревянная дверь вела в церковный кирпичный подвал, чем-то неувлимо напоминавший подвал в доме самого Матвея.

Мира прищурилась от солнышка, тряхнула короткими черными прядями, словно прогоняя запах старой плесени и полуистлевшей бумаги. Обернулась на Матвея, задержала на нем взгляд и удивленно проговорила:

– Почему у меня такое ощущение, что я тебя давненько не видела? Ты уезжал?

Так действовал оберег. Когда его снимали с руки, у окружающих не создавалось впечатления, что ты поменял внешность. Они просто начинали тебя замечать, как будто ты наконец появился после долгого отсутствия.

– У меня умер дед, – не зная зачем, проговорил Матвей, не отводя взгляда от карих глаз Миры.

– Seriously? Извини. Ты теперь один?

– Да. Но я уже взрослый. Мне исполнилось девятнадцать.

– Значит, к тебе можно на тусовку? Ты же не должен оставаться один в такой момент. Хочешь, придем к тебе вечером

с Богданом?

– Сегодня нет. Сегодня у меня работа, – быстро соврал Матвей. – Подрабатываю.

– Где?

– На автомойке, вечерами.

У Матвея ведь действительно была собственная автомойка, и временами он туда наезжал вместе с дедом. Старый умел ловко управляться с делами, а теперь это предстояло делать Матвею.

– Ну ладно. Будет скучно, зови. Почему-то мне кажется, что мы подружмся. – Мира улыбнулась.

От этой улыбки у Матвея сердце сначала замерло, после перевернулось и зашлось бешеным стуком. Ему казалось, что солнце вдруг обрушилось вниз, и его сияние затопило весь городок.

Мира к нему расположена, она хочет дружить.

А Матвей обязан сегодня сообщить Скарбнику, что нашел потомка Новицких. Подумать только, выходит, эта девочка понятия не имеет, какая кровь течет в ее жилах? Неужели не догадывается?

– Пойдем, куплю нам обоим колу и чипсов, – предложил Матвей.

– Пошли, – согласилась Мира. – Только мне, чур, кофе, а не колу. Терпеть не могу газировку.

И они отправились к ближайшему кафе. И солнце приветливо светило им в спины.

И старый храм мрачно таращился им вслед.

4

Итак, Мира – его родственница. Лень высчитывать, кем ему приходится внучка троюродной племянницы его прадеда, но где-то, когда-то, на каком-то витке их гены переплелись. Видно, поэтому его так тянуло к этой девочке с черными глазами и дерзкой улыбкой.

И что, сдать ее Скарбнику? Спуститься в подвал, забрать миску, снова налить в нее молока и крови и ночью крикнуть в темноту, что потомок Новицких найден? Или Скарбник и так знает об этом? Знает или нет?

Знает. Этот клятый котяра всегда все знает, как будто у него миллион глаз. Как будто он может следить за Матвеем. А вдруг действительно следит? Ведь не зря в последние дни на кухне явно чувствуются запахи подвала и паутины.

Матвей каждое утро ощущал эти еле заметные ноты и вздрагивал, представляя, как темной ночью крадется сюда жуткая зверюга и сверкает странными желтыми глазами. Котяра все знает, конечно, все знает.

И пусть.

Матвей не станет приводить Миру в дом мертвого деда. Не обрушит на нее страшное проклятие рода ведьмаков. Кстати, а в чем оно заключается?

Чтобы узнать, надо снова топать в старую церковь и ко-

паться в полуистлевших книгах. Но Матвей это сделает, он найдет информацию и постарается оградить Миру от клановой войны. И если она ничего не знает, то лучше и не посвящать ее ни во что.

Приняв решение, Матвей почувствовал, как с души упала огромная тяжесть. Стало легко и даже весело. Он, может, и позвал бы Миру к себе, но старый дом казался живым и опасным. Матвей умел сдерживать его ярость и проклятие, умел ловко прятать жуткие тайны, так и норовящие выбраться из пыльного кирпичного подвала. Но Мире лучше было в это не погружаться. Не чувствовать, не знать и не маячить.

Пусть живет своей милой и спокойной жизнью. Пусть красит черным глаза не потому, что ночью надо нести в подвал приношение, и носит браслеты не потому, что надо скрывать свою внешность.

От кланов Варты лучше всего держаться подальше.

Матвей приготовил себе ужин – разогрел в микроволновке купленную пиццу, залил кипятком пакетик чая в кружке, порезал на кусочки парочку бананов и ушел со всем этим добром к себе наверх. Теперь, когда деда не стало, завтраки, обеды и ужины стали невероятно скучными. Матвей вообще бы не ужинал, потому что есть не хотелось, но тогда длинный вечер оказывался совершенно пустым.

Полно свободного времени. Нет друзей, которым можно было бы написать в «Вайбер» или «Инстаграм». Нет и страницы в «Инстаграме». Нет любимой девушки, чтобы скинуть

ей парочку сердечек в эсэмэске и пригласить в кино. Оставались книги и сериалы. Посмотрев на увесистый томик Кинга, Матвей вздохнул и устроился на кровати.

Когда был жив дед, они болтали по вечерам допоздна. Дед рассказывал о своей молодости, о странных и непонятных случаях, приключавшихся в этом маленьком городке и близлежащих селах, о семейных тайнах кланов, которые знал очень хорошо. Дед Стефан жил в этом городе еще тогда, когда здесь была Польша, и в школе учился на польском, и церковную службу слушал только на польском.

– В старой церкви у леса ее проводили. Отец приводил туда все семейство: маму, меня и троих моих младших братьев.

– А где сейчас твои младшие братья? – спросил его как-то Матвей.

– Они мертвы. Сейчас они все мертвы.

– Потому что клановая война?

– Потому что просто война. Тогда случилась одна из самых страшных войн, которые только довелось пережить человечеству. После той войны остался я, моя бабушка и один из моих младших братьев, Михал, которому едва сравнялось двенадцать.

– А тебе сколько было?

– А я был уже взрослым, – говорил дед.

Он прожил девяносто восемь лет – внушительный возраст, – но не выглядел дряхлым стариком, его волосы лишь

слегка украсила седина на висках, а морщины в уголках глаз делали взгляд мудрее и как-то ласковее, что ли.

Дед ушел внезапно и не вернулся. Матвей до сих пор не знал, что с ним случилось. О его смерти возвестил Скарбник, а котяра никогда не врал. Все, о чем предупреждал жуткий хранитель их семьи, всегда сбывалось.

И теперь вот следовало пробраться в старый дом деда, стоящий на горе, на хуторе, и достать Желанную книгу, о которой слагалось столько легенд.

– Все ее ищут, – говорил дед, – потому что всем она нужна.

Весенние сумерки напоздали медленно и долго. Сквозь приоткрытую форточку доносился бесконечный щебет птиц, шум проезжающих машин. Иногда кричали дети, иногда – крайне редко, правда, – мычали коровы.

События в книге «Оно» продвигались к середине, и жуткий клоун пожирал все больше и больше детей в маленьком городке, когда Матвей вдруг почувствовал неладное. Ему почудился запах, от которого по коже побежали мурашки. Запах битого старого кирпича, сырости и плесени. Паутины и мокрой шерсти. И еще слышался шорох маленьких лап.

Матвей подскочил, нахмурился, обвел взглядом комнату. Пусто и тихо, если не считать шума за окнами. Отложив книгу, он спустился вниз, на кухню, где запахи показались настолько сильными, что захотелось наклониться и посмотреть – нет ли жуткого котяры под столом или за дверью.

Но Скарбника нигде не было видно, и неудивительно. Еще ни разу это создание не показывалось при свете дня.

«Они не любят, когда их разглядывают», — пояснял дед.

И тут Матвей увидел надпись. Каким образом Скарбник делал так, что окно запотевало и какое-то время оставалось покрытым мелкими-мелкими капельками влаги, оставалось загадкой. Но на запотевшем окне пальцем кто-то написал:

«Мирослава в опасности. Сегодня вечером она погибнет. У кафе «Старая Прага».

Больше ни о чем Матвей не думал. Сорвался с места, схватил длинную, отполированную до блеска палку, которая стояла за дверью в коридоре, и выскочил из дома.

Глава пятая. Мирослава



Богдан написал в «Вайбер», что не сможет пойти в кафе. У него внезапно подвернулась подработка, и он будет занят весь вечер.

Зачем Богдану деньги, этого я вообще не могла понять. Карманных ему выделяют столько, сколько надо. Одежду покупают родители в Германии и высылают охапками. Еды в доме полно, и куда тратить заработанные репетиторством деньги – вообще непонятно.

Конечно, Богдан очень умный. Он мечтает стать программистом, и родители планируют его поступление в Польшу. Этого симпатичного парня ждет блестящее будущее, можно не сомневаться, а он гоняется за скромными репетиторскими подработками. Ведь его пара-тройка часов в неделю всего равно приносит гораздо меньше денег, чем щедрые чаевые в «Старой Праге», которые умудряюсь срубить я.

Весенний вечер обещал быть скучным. Конечно, надо было сделать историю (доклад с презентацией) и несколько номеров по алгебре, поэтому пару часиков я провела в компании музыки и уроков. После пришла мать, молча глянула на меня – сверкнула вытаращенными глазами – и ушла на кухню готовить ужин.

Следовало пойти и поинтересоваться, будут ли меня кормить сегодня, но настроения ругаться уже не было. Хотелось

романтики и приключений – болтать с кем-то, пройти по светлым улицам городка и полюбоваться на цветущие деревья.

И что это Богдану приспичило работать в такой чудесный вечер?

Может, напроситься к Матвею? Ему тоже небось скучно. Или у него есть подружки?

Нет у этого парня никого. И как он умудряется выглядеть таким болваном в школе? Не умеет одеваться, что ли? Сегодня днем мне удалось хорошенько рассмотреть его джинсы из «Остина» и клетчатую рубашку из «Колинза». Неплохая такая одежда, и смотрится на высоком парне просто отлично. Потрепанные кеды – тоже конверсы, между прочим, а не барахло из секонд-хенда. Руки крепкие, кожа грубая. А глаза! Глаза у него разные! Я такое впервые в жизни видела. Конечно, я где-то читала, что это случается и это не болезнь и не проклятие. Но черт! Как странно он смотрит, этот Матвей. Серый глаз – и коричневый. Даже не коричневый, а какой-то зелено-желтый, что ли, как у кота. Колдовской взгляд у парня, и от его разных глаз, от пристального взгляда – мурашки по коже.

Надо бы написать ему. Где там его «Вайбер»?

А «Вайбера» у Матвея не оказалось. Ни «Вайбера», ни страницы в «Инстаграме», ни страницы в «Фейсбуке». И даже его собственного номера телефона в моих контактах не нашлось. Он невидимка, что ли? Как он обходится без таких

удобных и важных вещей?

Стало еще скучнее, а тут как раз мать заорала из кухни:

– Мирка, сходи за хлебом!

И что, ты сама не могла купить хлеб, ведь наверняка забегала в маркет за своими сигаретами? Вот вечно привяжется с ерундой.

– Пусть Снежанка сходит, ей все равно нечего делать, – буркнула я. – Мне еще надо порешать ей задачки по алгебре, иначе схватит пару на контрольной в конце года.

Снежанка лежала на диване, смотрела сериал на своем смартфоне и потому материнской просьбы, естественно, не слышала.

– Тебе сложно, что ли? Чем это ты занята, интересно? Снова глаза красишь? Или в телефоне сидишь?

Мать появилась на пороге – руки мокрые, живот присыпан мукой, волосы растрепаны.

– Ну давай. – Я повернулась к ней и нагло улыбнулась. – Давай, начинай орать. Что-то наш денек проходит тихо и скучно. Хоть поорем друг на друга, все веселее будет.

– Да пошла ты к черту, дрянь такая! – ругнулась мать. – Снежа, сходи, купи батон. Хлеб закончился.

Снежанка не сразу, конечно, поняла, что от нее требуется, но после вскочила и принялась натягивать джинсы.

– А ты в коридоре пропылесось. Пылища, – буркнула мне мать.

И тут в «Вайбер» пришло сообщение от Зорянки.

«Выйди сегодня вечером вместо меня на смену. А я тебя потом подменю», – писала подруга, тоже подрабатывавшая в «Старой Праге». У нее был годовалый сынишка, который частенько подхватывал то сопли, то кашель. Зорянке уже исполнился двадцать один год, и она умудрилась выйти замуж, родить сына и развестись. Вот у кого интересная жизнь...

«Выхожу», – быстро написала я и тоже взялась за джинсы. Пылища в коридоре останется до завтрашнего дня, потому что работа – прежде всего.

2

Меня раздражало все, что говорила или делала моя мать. То, как она смотрела и как выглядела сама, – серо-голубые глаза, видимо, были красивыми, пока их не закрыли щеки, когда мать разъелась до пятьдесят шестого размера. Брови тщательно татуированы – в самом примитивном и грубом стиле в самом дешевом салоне. На губах тоже легкая татуировка – красный контур, который остается, даже если мать вообще не думает краситься. Смотрится жутко, на мой взгляд, но ей нравится. Она и к Снежанке пристаёт с замечаниями касательно бровей.

– Пора тебе думать о внешности. Ты девочка видная, парни за тобой будут бегать. Надо удачно выйти замуж, чтобы после ни в чем не нуждаться, – учила мать. – Поэтому не вздумай портить себе внешность, как Мирка. Никаких лиш-

них дырок в ушах, никакой короткой стрижки. Сделаем тебе бровки, слегка помелируем волосы, и будешь красоткой.

Снежана молчала в такие моменты, но не потому, что была невероятной скромницей, а просто не желала связываться с матерью.

Каждое утро, расчесывая волосы, она тихо ворчала, что хочет подстричься и не возиться с косой, а сережки в свои проколотые уши и вовсе забывала вдевать, видимо, ей это было не нужно. Типичным задротом была моя младшая сестра, и тут уж никуда не деться. Или игра, или бесконечные сериалы. Я догадывалась, почему в ушах Снежаны каждый вечер торчали наушники, – чтобы не слушать моих и материнских воплей.

Как бы там ни было, я выскочила на улицу, хлопнула подъездной дверью – между прочим, прозрачной пластиковой, потому что у нас достроили к подъезду тамбур и поставили вазоны с цветами. Прямо европейский подъезд сделали. Так вот, едва я оказалась на улице и вдохнула весенний сумасшедший воздух, наполняющий все вокруг странными и удивительными запахами, как все мысли о матери и ее криках вылетели из головы.

И в этот момент мне на глаза попало объявление о пропавшей девочке. Леську я знала, она жила в моем подъезде и была всего лишь на год старше. Тоже всегда ругалась с родителями, потому что у нее был парень, который звал жить к себе. А родители хотели, чтобы она получила хоро-

шее образование и сначала поработала. И Леськин парень им не нравился, мол, нищелюб, работает на заправке и что с него взять.

Сначала пропал парень. Просто исчез среди бела дня. Вышел в магазин и не вернулся. Ужасная штука, на мой взгляд, когда вот так, ни с того ни с сего пропадают люди. А после исчезла и Леська. Ее родители подняли страшный переполох, расклеили везде объявления, пустили по всем сетям ролик, где Леськин отец рассказывает о том, какая у него замечательная дочь, как она внезапно пропала, и показывает кучу ее фотографий.

Леську искали везде и даже прочесали насквозь ближайший лес, но девушка как сквозь землю провалилась.

Я думаю, можно было элементарно догадаться, просто применить логику. Ее парень – Сергей его, кстати, звали – уехал сам куда-то на восток, наверное. Нашел там работу и купил билет для своей девушки. На автобус, скорее всего, на какой-нибудь спринтер, где не требуют документы при посадке. Вот Леська и укатила к своему любимому. Работает, наверное, где-нибудь в магазинчике, продает сигареты и по ночам целуется со своим Сережкой. Так что я на месте родителей Леськи не поднимала бы такой шум. Меньше надо орать на своих детей, тогда они перестанут пропадать.

«Старая Прага» находилась в действительно старом здании. Арку дома украшала выбитая цифра «1834» – дому было больше ста лет. Раньше умели строить, и кирпичи держались крепко и ровно. Конечно, здание отреставрировали, поставили новые деревянные рамы на окна и новые резные двери, тоже под старину. А во дворике открыли кафешку, где я и работала.

В моей работе не было ничего сложного. Улыбаешься, записываешь заказы, после разносишь. Ничего не путаешь. Снова улыбаешься, мягко и коротко отвечаешь на шутки клиентов – никаких заигрываний, никакого панибратства и никакой грубости. После забираешь чаевые.

Если уметь чувствовать людей, понимать их настроение, чаевые могут оказаться очень щедрыми. Вот, например, этому строгому хмурому пану, который пришел с ноутбуком, не до шуток. Выпьет кофе, ответит на деловые письма, просмотрит новости и уйдет. Он – завсегдатай, и я заранее знаю, что он закажет. Просто уточнила:

– Добрый вечер. Вам как обычно?

И метнулась за черным кофе эспрессо и плиткой шоколада. Черный шоколад и черный кофе для пана в черном костюме.

А эта парочка будет мило болтать больше часа, и к ним

надо подойти снова и предложить еще пиццы и сока – пожалуйста, не вопрос.

Пожалуй, я бы так и осталась работать официанткой, мне нравилось наблюдать за людьми, принимать постоянных клиентов и разговаривать с ними. Нравилось, что меня уважают, относятся хорошо и не отпускают идиотских замечаний относительно цвета моих волос или количества сережек в моих ушах. В «Старой Праге» мне позволяли быть самой собой.

Но на жизнь – на самостоятельную жизнь – этим было не заработать. Разве что открыть собственное кафе, но для этого нужен стартовый капитал. Да и мне хотелось учиться, нравилось получать новые знания и размышлять о них. Мне было приятно чувствовать себя лучшей в классе, ощущать свою силу в плане контрольных и зачетов: я могу это написать, знаю, как правильно. Это было то немногое, что я могла контролировать.

В тот вечер, когда я заменяла Зоряну, луна стояла в самом зените. Полная, круглая, яркая. Прямо как в сказочных фильмах. Я вбежала в подсобку, быстро повязала фартук (у нас была простая униформа – джинсы, обязательная светлая футболка и фирменные кепка с фартуком), натянула кепку и улыбнулась своей физиономии в зеркале.

– Быстро, Мира, – велел Степка, еще один официант. – Людей сегодня полно. Вечер теплый, всем охота прогуляться. И смотри, там у окна сидят какие-то придурки, осторож-

нее с ними.

Вот с этих-то придурков все и началось. Они уже наели на приличную сумму – тарелки после пиццы, кружки после кофе и пара стаканов после сока. Их было двое, и, видимо, они еще до нашего кафе где-то умудрились догнаться спиртным. Сидели, громко говорили, хохотали и обсуждали окружающих. Каждого, кого видели.

– А вон, видишь, девчонка сидит? Какого цвета у нее глаза? Девушка, а девушка? Мы хотим с вами познакомиться... – басил худющий смуглый парень и тянулся к девчонке за соседним столиком.

Это была Надя, наш постоянный клиент. Каждый вечер покупала у нас маленький круассанчик с шоколадом и маленькую чашечку черного кофе без сахара. У нее умерла мама три месяца назад, вот с тех пор и проводила вечера в нашем кафе.

– Эй, девушка! Ты глухая, что ли? – невнятно промычал худой и схватил Надю за волосы.

– Мне кажется, что вы уже поели, – вежливо сказала я этим двоим, подходя к их столику. – Оплатите счет и покиньте кафе, пожалуйста.

– А ты откуда взялась, такая здоровенная? У вас что, все официанты такие высокие? – поинтересовался второй.

Он был не очень пьяным, и в хитром прищуре его глаз я увидела что-то наглое и хищное.

– Оплатите, пожалуйста, счет.

– А мы хотим еще кофе. Ты же не откажешь мне в кофе, красotka? Еще чашечку черного кофе, – сказал второй парень.

У края губы у него темнела крошечная родинка, а в одном ухе поблескивала сережка-камешек.

– Хорошо. Но попросите вашего друга не шуметь и не мешать другим.

Надя в этот момент быстро встала и направилась к выходу. Худой рванул за ней, и тут я утратила контроль. Вернее, мое тело среагировало так, как реагировало в школе на выходки одноклассников. Не покачнувшись, не выронив из рук блокнот, я подставила подножку худому, и тот растянулся на полу, крепко приложившись подбородком.

– Дрянь такая, это ты сделала! – заорал он, поднимаясь.

Надя выбежала из кафе. Все остальные посетители наблюдали за нами, предвкушая интересную сцену скандала.

– Я принесу вам кофе, – очень вежливо сказала я, отворачиваясь.

Но худой схватил меня за воротник и рванул на себя.

Зря он это сделал, потому что я была выше его. Пусть на полсантиметра, но все-таки. Я двинула ему собственным затылком по лбу, и вышло это почти случайно.

– Что за драка? – не понял администратор. – Сейчас же покиньте кафе.

– Ваша девушка избил моего друга, – спокойно заявил парень с родинкой. – Вы ведь позиционируете себя как по-

рядочное кафе. На вашем сайте уже сегодня будет отзыв, я уж об этом позабочусь.

– Прошу прощения, но вы слишком развязно ведете себя. Это семейное заведение, и такое поведение тут недопустимо, – очень четко и вежливо проговорил администратор. – Сейчас же покиньте кафе, иначе я вызову полицию.

– А девчонку твою мы можем забрать с собой? – поинтересовался тот, что с родинкой.

Худой стоял рядом и ругался, потирая лоб. Я успела покинуть поле боя и убраться за стойку. Появились Степка и Да-ник – эти двое помогут вывести дебоширов, если что.

– Покиньте кафе, пожалуйста. Я настаиваю, – твердо проговорил наш администратор дядя Саша. А он имел внушительную комплекцию и твердые кулаки.

– Мы все-таки заберем вашу девочку, не сейчас, так позже. Пошли, Дмитро. – Парень с родинкой встал, посмотрел мне в глаза и улыбнулся. – До встречи, большая девочка.

И двое дебоширов убрались наконец на улицу.

4

Мне, конечно, досталось от дяди Саши. Как я могла подставить подножку клиенту? Даже если посетитель груб, он все равно прав, и моя задача быть предельно вежливой, и все. Остальное решит за меня он сам, дядя Саша. И если бы я не была такой обязательной и четкой – ни одного опозда-

ния или пропуска, – то давно бы уже лишилась работы за такую выходку.

– Потому что они два идиота! Потому что нечего портить спокойный вечер людям, которые пришли к нам с семьями. Если мы семейное кафе, то у нас не должно быть таких вот хулиганов! – возмущалась я в ответ.

Дядя Саша побагровел, упер кулаки в бока и посоветовал мне немедленно закрыть рот и топать выполнять свою работу, иначе я точно окажусь на улице, причем прямо сейчас.

– Да заткнись ты, – дергал меня за тесемку фартука Степка, – заткнись, балда...

– Можно подумать, у нас одно-единственное кафе в городе, – уже неслась я на автомате. – Найду себе еще работу.

Возможно, дальше меня бы прорвало на долгий ор, но Степка зажал мне рот рукой и оттащил в сторону.

– Она дура, дядь Саша, но я прослежу, чтобы она заткнулась и начала работать. Обещаю. Вы же меня знаете.

– Ты уж проследи.

Дядя Саша покачал головой, показал мне кулак и ушел за стойку.

Вечер продолжался. Обычная беготня между столиками, загрузка посуды в посудомоечные машины, бумажные купюры чаевых, которые попадали мне в карман. Степка какое-то время ругал меня, уверяя, что с такой безбашенной может приключиться все что угодно.

– Ты не умеешь вовремя закрыть рот, – твердил он.

– Я говорю то, что думаю. А если меня бесят те, кому говорю, то могу еще и наподдать, – бурчала я в ответ.

– Это ты дома можешь своей сестре наподдать. А на работе должна быть вежливой. Первое требование к официантам. Клиент всегда прав, сама знаешь.

– Это не клиенты, это придурки.

– Неважно.

В будни кафе закрывалось около двенадцати ночи, для нашего маленького городка больше и не требовалось. А в половине первого я уже неслась длинными извилистыми улочками мимо старых домов, огромного парка со скрипучими качелями и деревянными беседками. Яркие фонари светили приветливо и по-домашнему, и я молилась только о том, чтобы мать и сестра уже спали.

Тогда я спокойно залезу в душ, после завернусь в плед и завалюсь спать на своем уютном диванчике. И день, можно сказать, удался.

За парком улица поворачивала, огибая кованый узорный забор, и у этого поворота меня уже поджидали. Три здоровенных парня, один из которых имел родинку над губой.

– Привет, официантка. Не ожидала?

– Чего тебе надо? – довольно грубо проговорила я, вытаскивая наушники из ушей.

– Мне нужна ты. Такие высокие девчонки мне всегда нравились. Иди, я поцелую тебя...

И прежде чем я смогла что-то предпринять, парень обхва-

тил меня и поцеловал. Роста мы с ним были одного, и его хитро прищуренные глаза оказались на уровне моих. Запах спиртного окутал меня, я рванулась, пнула ногой нахала, но сзади навалились еще двое и прижали к забору.

– Давайте оттащим ее на скамейку? – предложил один.

– И проучим как следует.

– Да, официантки в этом городе совсем обнаглели, – хотнул тот, что с родинкой.

Я пинаясь как сумасшедшая, махала руками, мотала головой, и у этих троих никак не получалось дотащить меня до скамьи, пока кто-то из них не огрел меня по голове чем-то тяжелым. В глазах тут же потемнело, в ушах зазвенело, и мир закачался. На какой-то момент я перестала сопротивляться, обмякла, как тряпичная кукла, перестала соображать.

Более-менее очухалась уже на скамейке и поняла, что чьи-то руки расстегивают молнию на моих джинсах, а еще кто-то больно щиплет за талию. Рванулась, толкнула одного из бандитов ногой и снова получила удар. На этот раз врезали по лицу, отчего из глаз покатились слезы боли и обиды.

– Не дергайся, гадина, – прошипел кто-то из парней, наклонившись очень низко идохнув мятным «орбитом» мне в лицо.

Молния джинсов скрипела, поддаваясь напору, парень с родинкой зажал мне рот, и в темноте я могла различить только контуры лиц и довольное сверкание трех пар глаз. Я попалась, я крепко попалась в этот раз!

Не знаю, чем бы все закончилось, но вдруг точно вихрь налетел человек с длинной палкой. Он молча и резко раздавал удары, и подонки отпрянули в стороны, после накинулись на нападавшего сразу втроем. Палка глухо стучала об их тела, раздавались ругательства, кто-то из дерущихся свалился на асфальт.

Воспользовавшись моментом, я скатилась со скамейки и мигом застегнула молнию джинсов. После схватила камень с земли и зарядила в башку тому, что с родинкой. Удар пришелся по темечку, мой противник качнулся, оглянулся, и тут же палка проехала по его спине, заставив опуститься на колени.

– Убирайся вон, – проговорил мой спаситель, – проваливайте все.

– А ты кто такой? – пытаясь, как паровоз, спросил тот, что с родинкой. – Я еще найду тебя и ноги переломая! Мы тебя найдем!

– Проваливайте! – Палка вновь опустилась на плечи одного из парней, и все трое стали отступать.

Теперь, при свете фонаря, я разглядела, что моим спасителем оказался Матвей. Его глаза бешено сверкали, а палка – грозная, черная и длинная палка – ходила по спинам моих врагов с проворностью пастушьего кнута.

Трое паршивцев убрались в темноту парка, и Матвей, опустив палку, пристально уставился на меня.

– Ты цела? – выдохнул он.

Глава шестая. Мирослава



Я была цела. Все обошлось. Тяжело переводя дыхание, я смотрела на Матвея и никак не могла собраться с мыслями.

– Как ты тут оказался? – наконец проговорила я, чувствуя, как огнем горит нижняя разбитая губа.

– Неважно. Пошли, я отведу тебя домой.

Представилось лицо матери, ее вытаращенные глаза и губы, выговаривающие, что так мне и надо, что я наконец дошла и получила по заслугам.

– Наверное, нет. Лучше пойду к подруге... – проговорила я, осторожно дотронулась до губы и поморщилась.

– Будут ругать? – безошибочно угадал Матвей.

– Неохота слушать родительский ор ночью.

– Тогда пошли ко мне. У меня точно никто орать не будет.

– А что у тебя?

– Дом в три этажа. Места полно. Выделю тебе свободную комнату, и переночуешь.

– И душ у тебя есть?

– Ну конечно. – Матвей улыбнулся.

И мы пошли к Матвею.

Внутри меня клочкотала злость. Не повезло мне этой ночью, очень не повезло. Напали какие-то подонки, которых я знать не знаю, избили, едва не раздели. И кто его знает, что бы еще они со мной сделали, если бы не Матвей.

– Где ты научился так мастерски орудовать палкой? – спросила я. – Здорово ты им врезал.

– Ты тоже одному зарядила камнем, – напомнил Матвей.

– И все-таки?

– Хожу в спортзал. – Мой спутник пожал плечами.

– И там учат не таскать гантели или бегать на тренажере, а сражаться на мечах?

– На каких мечах?

– Ну, ты держал палку так, будто это меч. Смотрел «Звездные войны»?

– Смотрел. Но это не то. Мой дом внизу, надо спуститься по лестнице.

– И обогнуть старую церковь, – прошептала я, увидев церковный крест, торчащий над черным лесом.

– Ты боишься?

– Нет. Но она кажется... странной какой-то. И луна висит прямо над ней, хотя, по идее, должна быть в другой стороне.

– Она там и должна быть.

– Но из окна моей комнаты мне казалось, что... – Я замолчала, уставившись на статую какого-то святого, возвышающуюся у церковных ворот.

Почудилось, что каменный старик обрел зрение и таращится прямо на нас.

– Такое ощущение, что он на нас смотрит, – проговорила я.

– Не обращай внимания. – Матвей взял меня за руку. –

Мы уже почти пришли. Еще два поворота, и будет мой дом. Вон за тем отелем.

Мы миновали старый-престарый отель – зданию было, наверное, миллион лет, – повернули на узкую улочку, и Матвей толкнул калитку с диковинным узором. Уличный фонарь слишком ярко освещал брусчатку, кованую скамью во дворе и клумбу с распустившимся тюльпанами.

– Вот мы и дома, – улыбнулся мой спаситель.

2

Здание под красной крышей с несколькими печными трубами казалось внушительным и серьезным. Три этажа, третий – мансардный, со скошенными окошками. Темные окна, длинная веранда с правой стороны и высоченное дерево возле нее.

Со стороны главного входа к деревянной, покрытой резьбой двери вело несколько ступенек, на самой первой торчал глиняный гном в красном колпаке. Но мы там входить не стали: свернули, обогнули лужайку и прошли через веранду. Матвей открыл ключом белую дверь и включил свет. Это была кухня, просторная, с плиткой на полу и большим холодильником. На стене – портрет лохматого рыжего кота, под ним – кухонный стол с клетчатой скатертью, на окнах – клетчатые занавески.

– Прикольно у тебя, – выдохнула я. – И никаких взрослых.

– Я сам уже взрослый, – напомнил Матвей.

– Да, ты, кажется, оставался на второй год.

– Два раза.

Я обернулась, посмотрела в его странные разные глаза и вздохнула.

– А это что?

Пальцы мои потянулись к странному браслету из сушеной рябины и каких-то темных бусин, но Матвей проявил невероятное проворство. Схватив браслет со стола, он сунул его в карман и заверил, что это ерунда. Ничего такого.

– Душ тут, на первом этаже в коридоре. А я сделаю кофе. Тебе с молоком и сахаром?

– Мне без молока и без сахара. Маленькую чашечку. И никаких конфет, я их не ем, – ответила я, кинув взгляд на вазочку с шоколадками, стоявшую на столе.

Матвей приволок здоровенную чистую футболку, которая доставала мне почти до колен, мягкий плед и сказал, чтобы я устраивалась как дома. Мы разместились в гостиной, но меня почему-то настораживала эта большая темная комната с высокими шкафами и плюшевыми диванами. Все время казалось, что кто-то прячется в тени длинных штор или за креслом и подглядывает за мной. Наблюдает пристально и недобро.

На журнальном столике у камина – этаким старинный столик с единственной резной ножкой – я увидела фотографию в рамочке. Четыре мальчика стояли в ряд. Высокий, почти

взрослый мальчик смотрел в кадр пристально, слегка прищурившись, и выглядел очень симпатичным. Второй – в старинной матроске – держал его за руку, и было ему, может, лет семь. Двое младших казались почти близнецами, длинные кудряшки придавали им ангельский вид.

Черно-белой фотке было, наверное, не меньше ста лет. Время, когда здесь еще была Польша, бегали старые трамвайчики и фотографии делали с помощью громоздких фотокамер.

– Кто это на фото? – спросила я Матвея.

– Мой прадед, который умер недавно. Он тут самый старший.

– А остальные мальчики кто?

– Его братья.

– Они жили в этом городе?

– Когда-то они все жили в этом городе. Сейчас все мертвы...

От этих слов я поежилась и попросила не болтать о смерти.

– Так ведь это ты спрашивала.

– Выходит, что все в твоём доме умерли... – буркнула я и тут же пожалела о сказанном. – Извини. – Я поморщилась от боли в разбитой губе.

– Ладно, это факт. Все так и есть. Старый дом проклят, потому я и не люблю сюда никого приглашать.

В этот момент меня осенило. Словно молния блеснула в

мозгу, и я кинулась к джинсам, которые лежали на стуле, брошенные как попало. Проверила карманы, после – маленький рюкзачок и потрясенно уставилась на Матвея.

– Я, кажется, потеряла телефон. Он остался там, представляешь? Мне надо вернуться, я должна его найти...

– Ты никуда не пойдешь. – Матвей кинулся ко мне и схватил за руку.

Его глаза оказались совсем близко, я уставилась в эти разные радужки, обрамленные длинными ресницами, и слегка обалдела.

– Ты никуда не пойдешь, потому что этой ночью лучше не ходить по улицам. Плохое время. Полнолуние. Всякое может случиться.

– Да что тут такого? – сказала я, но уже слабо, неуверенно.

– Поверь мне, лучше сейчас не ходить никуда. Придумаем что-нибудь утром. Устраивайся в кресле, в нем безопасно.

– Ты думаешь, что этой ночью все сходят с ума и накидываются друг на друга? Как у Стивена Кинга в его ужастиках?

– Не скажу тебе, что я думаю. Просто сиди тут. Может, эти трое караулят тебя на дороге: схватили твой телефон и ждут, когда ты за ним вернешься. Забыла, как они накинулись все троим на тебя?

– А ты их знаешь?

– Знаю, – хмуро проговорил Матвей.

– И кто они?

– Тебе лучше не знать.

Мы устроились у камина, я – на диване, Матвей – в кресле. Немного поговорили о какой-то ерунде, я повздыхала, понимая, что не видать мне телефона как своих ушей, а работать на новый гаджет придется долго. Несколько месяцев точно.

Матвей не казался расстроенным или унылым, но какое-то напряжение временами проскальзывало по его лицу. Я заметила небольшой шрам у глаза, тонко изогнутую линию его рта и даже привычку проводить ладонью по коротко стриженным темным волосам.

Он симпатичный, этот Матвей, очень симпатичный.

– И как ты умудряешься выглядеть совершенным лохом? – спросила я его.

– Что? – не понял Матвей.

– Обычно ты немного другой. Незаметный, что ли.

– Это дедов оберег. – Матвей вдруг глянул пристально и серьезно и продолжил: – Когда я надеваю его, он меняет мою внешность для других. Вот, смотри.

Он коротко улыбнулся – одними уголками губ – и ловко натянул на запястье тот самый браслет, что я видела на кухонном столе. Миг – и передо мной появился невзрачный неудачник. Худая шея, торчащие уши и угловатый кадык. Все смазано, все ненастоящее, непонятное и неинтересное.

– Ого, – тихо проговорила я. – Говоришь, что это дедов оберег?

– Вернее, прадедов. Я своего прадеда называл дедом. Это

он мне сделал. Браслет, скрывающий мою внешность.

– А зачем?

– Что – зачем?

– Зачем тебе скрывать свою внешность?

– Потому что мой дед – ведьмак и у него хранится особенная вещь, которой больше ни у кого нет.

3

Фразу «Мой дед – ведьмак» Матвей произнес совершенно спокойно. Таким голосом обычно говорят «Мой отец – программист» или «Мой отец – учитель истории в школе». Ничего необычного и странного. Ведьмак и ведьмак – мало ли кто чем занимается.

– Что, серьезно? – спросила я, наблюдая, как мой новый друг стягивает с руки браслет и засовывает в карман штанов.

– Странно, да? – тихо проговорил Матвей. – А ты не чувствуешь тут запах подвала? Тебе не пахнет паутиной и плесенью?

Его голос прозвучал так тихо и торжественно, что я вздрогнула и перестала улыбаться. Почему-то вспомнилось, как щипали меня за талию эти подонки сегодня ночью и как тянули молнию моих джинсов, пытаясь меня раздеть.

– Нет, не пахнет. – Я откинулась поглубже на диване и прикинула, что бы такое схватить, чтобы двинуть Матвея по башке, если начнет приставать.

– Это хорошо, это очень хорошо. Я, знаешь, что... Я схожу принесу крекеры. Хочешь крекер с сыром? С настоящим плавленым сыром, чтобы намазывать его сверху. Вкусно получится...

Мой новый друг поднялся и быстро вышел, а я осталась одна в большой комнате. В пустом камине царила гулкая темнота, за окнами почему-то зашумел ветер, хотя до этого ночь была совершенно спокойной. Тяжелые занавеси слегка качнулись, и мне почудилось, что за бархатной темно-зеленой тканью кто-то стоит. Кто-то наблюдает за мной, готовясь выскочить и напасть.

Я поднялась, подошла к окну и заглянула за штору. Конечно же за ней никого не было, но в тот момент, когда я повернулась, чтобы усесться на диван, в черном зеве камина сверкнула пара желтых глаз, словно там пряталось какое-то животное.

Я вздрогнула, подошла к камину, заглянула внутрь. Холодно и пусто. Оставалось только обозвать себя балдой и забраться с ногами на диван.

Матвей возился внизу так долго, как будто собственно-ручно пек эти самые крекеры, а когда поднялся с небольшой миской в руках, то оказалось, что он забыл про сыр.

– Сейчас сбегая, – заверил он.

– Да оставь уже этот сыр, а то снова пропадешь на полчаса, – буркнула я. – У тебя такой дом, что можно прямо фильмы снимать о привидениях. И как ты только тут живешь.

– Ты что-то чувствуешь? – насторожился Матвей.

– Да ничего я не чувствую. Давай уже сюда крекеры. Ты выглядишь таким напряженным, словно это с тебя едва не стянули штаны прямо на улице.

Парень осторожно повел плечом, мол, ерунду ты какую-то говоришь. Уселся в кресле, вздохнул, почесал голову. Он хотел что-то сказать, но мялся и никак не мог решиться. Но это явно не было признание в любви. Так что?

– Хочешь рассказать о своем деде-ведьмаке? – догадалась я.

– Ты не удивилась?

– А чему удивляться? Колдовством тут многие занимаются. Что, твой дед на рождественские святки предсказывал будущее?

– Мой дед много чего умел.

– Колдовские обереги делать всякие, да? Небось заговоры делал за деньги. У нас тут водится такой народ, я знаю. Моя мать рассказывала, что соседке кто-то под дверь землю кидал, должно быть с кладбища, а после у нее муж погиб на работе. Он был строителем и неожиданно упал с третьего этажа, с лесов, на которых работал.

– Ты в такое веришь? – Матвей поморщился, будто я сказала ему сказочку о черной руке, выбирающейся из-под кровати.

– Не знаю. Я таким не занимаюсь. Но люди говорят, что действует.

– У нас в городе есть колдуньи, которые колдуют по-настоящему. Могут забраться к тебе ночью и заставить слушаться. Прикажут что-то сделать, и ты выполнишь.

– Ну да, рассказывай. – Я недоверчиво усмехнулась. – И дед твой таким был?

– Мой дед... Он мог быть страшным, если хотел, но я его таким не видел никогда. Его боялись. Знаешь девушку Надю, чья мать недавно умерла? Ее сбила машина на шоссе, причем так ужасно сбила, что хоронили в закрытом гробу.

– Да, знаю. Надя приходит к нам в кафе.

– Вот ее мать занималась черной ворожбой. Помогала избавиться от нежелательной беременности, ну, чтобы в больницу не ходить. Привороты делала, могла черное проклятие наложить. Вот ее и убили. Такие люди, как те парни, что на тебя напали.

– То есть машина ее не случайно переехала?

– Машина ее переехала уже мертвую. Ее убили до этого. За ворожбу.

– А деда твоего, может, тоже убили?

– Может. Не знаю. Вот потому я и не зову к себе никого. Потому что... Могут и меня убить.

– Ничего себе... – потрясенно выдохнула я. Стало вдруг понятно и напряжение Матвея, и его желание скрыть свою внешность. – Если они вдруг сюда заявятся, мы с тобой будем сражаться вместе. У тебя есть вторая палка?

Матвей усмехнулся, и его разные и такие диковинные гла-

за весело заблестели.

– Не думал, что ты такая храбрая. Думал, что услышишь эти страсти и кинешься к выходу.

– Уж лучше ведьмаки, чем моя мать, – хмуро ответила я. – Вот кто настоящая ведьма.

– А что с ней не так, с твоей матерью?

– Считает меня потомком разбойников. Порченой кровью. Отродьем дьявола.

– Почему?

– Много причин.

– Знаешь... – Матвей замялся. – Я хотел тебя кое о чем попросить. Не откажешь?

– Проси.

– Мне надо завтра поздно вечером, часов в одиннадцать, сходить в старый дом моего деда и кое-что забрать – ну там документы. Пойдешь со мной? Просто за компанию? Это не далеко и не опасно. Просто зайти, забрать и уйти. Там никого нет, в старом доме. Пусто.

– Ну пошли, конечно.

– Так просто? – Матвей нахмурил брови и так странно взглянул на меня, словно я только что решила для него сразу две контрольные по алгебре.

– А что тут сложного? Ты спас меня сегодня вечером, между прочим. Я твой должник, так что, предложи ты хоть навестись в гости к одной из здешних ведьм, все равно бы пошла. – И я улыбнулась.

– Тогда решено. Завтра приходи ко мне домой в десять вечера, и отправимся.

4

Я верила Матвею. Конечно, не во всю эту ерунду с приворотом и колдовством на кладбищенской земле – это, безусловно, глупости. Но в то, что его прадед обладал какими-то своими секретами, – да. Что-то было и в самом Матвее странное и непривычное.

Он не походил на тех обычных парней, с которыми я училась в школе. И дело даже не в разных зрачках, а в том, каким голосом говорил Матвей, как серьезно и четко выговаривал слова, как напряженно замирал, вслушиваясь во что-то, доступное только ему одному.

Он появился внезапно, возник, как джинн из бутылки или как черт из табакерки. Еще пару дней назад я и думать не думала о своем однокласснике, считала его серой мышкой, лохом и рохлей. Я не замечала его. А теперь Матвей казался чуть ли не волшебником, знающим секреты города. Конечно, ему известно гораздо больше, чем мне, и если помочь ему, то вполне может быть, он тоже поможет найти мою бабушку пани Святославу.

Такие мысли крутились в моей голове, и они казались очень здравыми.

И еще меня впечатлил браслет. Я просила Матвея надеть

его несколько раз и все никак не могла понять, в чем фокус. Вроде бы лицо моего нового друга и не меняется, когда рябиновые ягоды и черные бусины оказываются у него на запястье, но словно сама реальность подергивается дымкой и перестает быть четкой. Словно я перестаю воспринимать ту реальность, в которой Матвей является самим собой.

Уходя от нового приятеля рано утром, я думала, что мне уже нравится этот правнук ведьмака, что я хочу еще и еще раз попасть в его странный дом, где потустороннее присутствие ощущается так сильно.

5

Мать не спала всю ночь. Я поняла это сразу, едва открыла дверь нашей квартиры (было шесть часов утра) и шагнула в коридор. Она вышла из своей комнаты, ее глаза были красными, а на виске, у самой кромки волос, слишком явно билась выпуклая жилка.

— Где ты была? — спросила мать очень тихо, но в ее голосе слышалась такая злость, что язык на время отнялся.

Я молчала, точно нерадивая школьница, замазавшая двойки в своем дневнике корректором.

— Где ты шлялась всю ночь? Ты можешь сказать что-то внятное?

Не могла. Стояла, как дура, и хлопала ресницами. Вся моя бойкость пропала, растворилась, исчезла под напором сто-

явшей передо мной взбешенной женщины.

Мать отвесила мне звонкую пощечину, от которой голова моя мотнулась, а разбитая губа снова вспыхнула маленьким огоньком боли.

– Шляешься по ночам и даже не позвонишь матери! Где была? – гремел материнский гнев.

– У Богдана. Работала допоздна и побоялась идти так далеко домой. Заночевала у него. – Такое объяснение мне показалось очень логичным, тем более что дом моего парня находился совсем недалеко от «Старой Праги».

– Не ври! Я звонила Богдану, он понятия не имеет, где ты! Обзвонился тебе, написал десяток сообщений! Мы уже звонили в больницы и морги!

И тут меня прорвало. Мой ступор наконец прошел, и я, вздернув голову, нагло заявила:

– Спала с мальчиками. Прямо в парке, на скамье. И телефон там же забыла. Пойду в обед и поищу. Что еще тебе сказать?

Хлоп! Это была вторая пощечина.

– Не смей меня бить, – очень тихо проговорила я, когда мать сделала небольшую паузу, чтобы набрать воздуха. – Иначе уйду и не приду. Найду свою бабушку пани Святославу и буду жить у нее.

Это я со злости сболтнула, конечно, но мать вытаращилась на меня и не сразу нашла, что ответить на такую наглость.

– Откуда ты знаешь? – проговорила она, отступая от меня, словно от смертельно больной и заразной. – Откуда ты это знаешь?

– Думаешь, я не знаю о своих родных? Дай мне пройти. Я жива и здорова, можешь не переживать. А если бы и подохла, тебе же меньше проблем. Не могу понять вообще, с чего ты так разволновалась.

Я решительно двинулась вперед по коридору, и мать, озадаченная моими словами, подвинулась, пропуская меня.

– Иди, иди, поганое отродье, – нашлась она наконец. – Действительно, и волноваться не стоит.

Зато Снежана кинулась ко мне, обхватила за шею – вроде как обняла – и зашептала в ухо, что страшно боялась за меня.

– Тут всякое происходит в последнее время. Пропадают люди, сама знаешь. Я подумала, вдруг ты тоже пропала, как Леська, – торопливо бормотала Снежанка.

– Не пропаду, не переживай. – Быстрым движением я высвободилась из сестринских объятий и бухнулась на диван, чувствуя, как болит разбитая губа и горят щеки от пощечин. – Я могу за себя постоять.

– Все равно. Сейчас лучше не ходить одной по ночам. И почему у тебя разбита губа?

– Подралась. Пришлось подраться.

– С кем? – охнула Снежанка.

Лохматая, в розовой пижамке, она уселась на диван и принялась торопливо расплетать волосы, убранные на ночь в ко-

су.

– Сама не знаю. Накинулись на меня, когда я возвращалась с ночной смены. Телефон украли вот. Но меня спас мой новый знакомый, прикольный такой парень. У него я и заночевала.

– Почему домой не пришла? Мама тут с ума сходила...

– Потому что темно было, страшно идти одной до дома. Да и не хотела заявляться грязной, растрепанной, с разбитым лицом. Мать бы пилила два дня подряд, что так мне и надо. У Матвея постирала одежду, у него машина с сушилкой, сразу все высохло. Сполоснулась, поела печенек, поспала у него в гостиной на диване. Это мой одноклассник.

– Какой это? – тут же полюбопытствовала Снежанка.

И тут я поняла, что если назову Матвея, то сестренка и не поймет, о ком речь. Ведь все вокруг видели человека, прикрытого особыми силами дедова оберега. И только я теперь знала настоящего Матвея.

– Не скажу, – ехидно улыбнулась я.

– Матвей... Что-то не припомню Матвеев в вашем классе...

– Ты его и не вспомнишь. Он невзрачный, никакущий. Но мне помог. Ладно, посплю еще хоть полчасика и – в школу...

Глава седьмая. Матвей



Мирослава оказалась не из пугливых. Конечно, своей де-вушки у Матвея никогда не было, но он знал, как визгли-вы и трусливы бывают представительницы женского пола, он ведь учился в самом обычном классе самой обычной школы. Достаточно положить на парту маленького паука, и громкий визг на десять минут обеспечен. Мирослава была не из та-ких. Другая на ее месте рыдала бы до икоты и дурела на гла-зах от того, что ее чуть не раздели среди ночи трое неизвест-ных бандитов. А эта вскочила и тут же ринулась в бой, стук-нула каменюкой по башке Ореста, предводителя банды ноч-ных грабителей.

Семейство Луш стало слишком много себе позволять в последнее время. Конечно, у них выросли сыновья, пятеро сыновей – это сила. И Жнец происходил из их семьи, вот они и считали, что никто им не может противостоять. Дед немного сдерживал их напор, но сейчас, когда его не стало, парни из семейства Луш решили забрать себе всю власть на улицах их маленького городка.

Матвей их знал, дед показывал фотографии всех членов большого и влиятельного семейства. Но они-то его не зна-ли, поэтому понятия не имели, кто накостылял им прошлым вечером. Вот и славненько, пусть гадают, кто же осмелился поднять руку на золотых мальчиков семьи Луш.

Средний брат, Григорий, преподавал польский язык в школе и даже был классным руководителем их класса, об этом уж позаботился его отец, пошуршал, попросил кого следует, чтобы его сыну во всем давали зеленый свет. Вроде бы Григорий не был похож на своих забияк-братьев, и в ночных разборках его ни разу не замечали. Может, пошел в материнскую линию, где все более спокойные и уравновешенные.

Матвей впервые вмешался в клановые дела и теперь все думал – может, зря? Но кинуть в беде Мирославу он не мог, это точно. В девчонке текла кровь Новицких, а эта семья всегда славилась своим боевым духом. Когда-то она была большой и сильной, а теперь от нее только и осталась малышка Мирослава.

Матвей улыбнулся, вспомнив, как девчонка вышла из душа, завернутая в длинное махровое полотенце. Мокрые черные волосы торчали смешными перьями, крошечная сережка в носу таинственно поблескивала, а глаза, темно-карие, с длиннющими ресницами, без черной широкой подводки показались мягкими и беззащитными.

Нравилась ли ему Мирослава? Конечно нравилась. Но от потомка Новицких следовало держаться подальше. Хоть их семьи и входили в один клан, все равно лучше не связываться с теми, кто имеет такую длинную и страшную историю.

Потому что семьи из другого клана Варты наверняка будут мстить. Не случайно Мирослава выросла, не зная своей

фамилии. Не случайно ее прятали в обычной семье, и эта малышка понятия не имела, что два отеля в городе и сеть канцелярских магазинов принадлежат ее бабке, пани Святославе. Что огромный старинный особняк посреди великолепно-го сада тоже принадлежит ее семье, и отец Мирославы рос в этом особняке как маленький принц, окруженный всем, чего только пожелает.

Но Скарбник – тот, что приносит сокровища, – был только у семьи Матвея, и об этом никто не догадывался. Скарбник дал о себе знать сразу, едва Мирослава переступила порог дома.

2

Матвей очень сильно чувствовал запахи, и иногда это выводило из себя. Это зудело внутри, вызывая тревогу и плохое настроение.

Запах плесени и старых кирпичей стал таким сильным, что Матвей буквально задыхался, сидя напротив Мирославы в большой гостиной. Что, если и девчонка улавливает сигнал из подвала? Вдруг и ей в ноздри бьет жуткая вонь?

Но Мирослава ничего не чувствовала. Она рассматривала фотографию прадеда и его братьев – схватила сразу, едва зашла в комнату. Спрашивала, кто они такие, и стояла со снимком минут пять, наверное, не в силах поставить обратно на столик.

Знала бы она, что является дальней родственницей его прадеда! Конечно, двоюродный плетень нашему тыну, но все-таки. А кровь родная – не водица, так всегда учил прадед.

«Сила крови значит все», – говорил он.

Ты тот, кем являешься по праву рождения, и от этого никуда не деться. Потому Матвей и не пробовал избежать своей участи.

Когда запах буквально забил все пространство в гостиной, в голове блеснула догадка и Матвей кинулся на кухню. Так и есть: на запотевшем окне послание. «Завтра вечером Мирослава должна отправиться за Желанной», – гласила надпись. Ну конечно, Скарбник уже все решил, умный какой.

Вот так прямо надо встать и сказать – пошли завтра в старый дом прадеда, ночью, при полной луне, и заберем там книгу, которая исполняет желания. Ведь Желанная книга исполняла желания, – об этом Матвей узнал сам, порывшись в церковной библиотеке. Вот почему она была так ценна. Любые четыре желания. Стоит их записать на странице книги, как они непременно исполнятся. Правда, после придется заплатить за их исполнение, но об этом мало кто догадывается. Ведь в книге об этом не написано.

Матвей вздохнул, потрогал оберёг в кармане джинсов и вернулся в гостиную. Надо ей все рассказать. Ну, не полностью, конечно, но хотя бы то, что его дед – ведьмак, и попросить помочь. Дело Матвея – предложить. А если Мирослава

откажется, то он не виноват. Правильно?

Но Мирослава не отказалась.

Глава восьмая. Мирослава



Я уже говорила, что в классе у нас все делились на группки, компании по интересам. Умные – к умным, красивые – к красивым и так далее. Но я забыла упомянуть о богатых. Такие у нас тоже были.

Соломия Совинская относилась к богатым, умным, красивым и наглым одновременно, а значит, была звездой класса. Было в ней что-то киношное, что-то неотразимое, когда с одного взгляда понимаешь, что к этой девушке так просто не подступиться. Длинные черные волосы до самой попы, которые Совинская тщательно выпрямляла и укладывала каждое утро; огромные голубые глаза с диковинным блеском; четкие, как нарисованные, брови – над голубизной этих глаз. И большие пухлые губы. Такие чувственные губы, какие обычно можно увидеть только в рекламе губной помады. Только все это было натуральным, что делало мою одноклассницу неотразимой.

В школу ее привозили на черном джипе, и одевалась она вовсе не в «Терранове» и не в «Сенсее». Ее вещи заказывали в Америке, и только она одна в нашем классе могла похвастаться крутыми фирмами. Впрочем, ее одежда меня не впечатляла, ведь я не носила кружевные блузки и юбки с пайетками.

Сама я одевалась в «хенде» исключительно на свои зара-

ботанные деньги, потому что мать отказалась покупать мне черные вещи. А то, что она на рынке покупала для Снежанки, казалось мне таким безвкусным и ужасным, что я предпочитала нагрести на распродаже в «хенде» растянутых футболок, чем напяливать на себя нечто розовое с блестками.

В конце урока польского, когда Луша закончил объяснять нам про окончания глаголов, девчонки сгрудились у его стола, а Совинская уселась за первую парту, перекинула за спину свои длинные, совершенно ровные пряди и довольно улыбнулась, глядя на Григория.

– А где вы планируете отдыхать этим летом? Куда поедете? – спросила она его, как своего хорошего знакомого.

– А ты уже знаешь, куда поедешь? Если в Варшаву, то сможешь отлично попрактиковаться в знании польского, – улыбнулся наш учитель.

– Кому она интересна, эта Варшава? Возможно, отец отвезет меня с сестрой в Париж, мы там уже пару лет не были. Но Париж нынче не тот, везде полно сомалийцев, и они ужасно мусорят. И зачем только их пустили в старую добрую Европу?

– Я тоже против того, чтобы европейские города заселяли беженцами из Сомали и других стран, – согласилась Христя Шпаковская, которая вроде как входила в круг Соломии.

– Они только все портят, – поддакнула Ирка Поверчучка. Сегодня она пришла в секондовской футболке с затертыми рукавами и широкими поперечными полосками, которые де-

лали ее еще толще, чем она была. – Лучше бы приглашали украинцев. Мы – такие же белые люди, как они.

Произнесла она это скороговоркой, глотая слова и шлепая крупными губами. Вот ее губы не казались картинкой из журнала косметики. Про таких обычно и говорят: «Губо-шлепка».

– Можно подумать, тебя надо приглашать, – мило улыбнулась Соломия. – Ты же село, Поверчучка, тебя дальше коровника твоей бабушки никуда пускать не следует.

Все знали, что каждое лето с самого первого класса Ирка проводит в селе у бабушки. Полет грядки, поливает ягоды и печет бесконечные пироги, от которых ее попа становится больше с каждым годом.

Пацаны, стоявшие рядом, заржали. Уж слишком ярким контрастом смотрелись Ирка и Соломия.

– Ничего плохого в селе не вижу, особенно если это Закарпатье. Да, Ир? – Григорий повернулся к Поверчучке и улыбнулся.

– Да, Закарпатье, и там горы всякие и реки. Очень красиво, между прочим, – возмутилась Ирка.

– Вот и не лезь. Представляй про себя, как будешь помогать бабушке со стадом коров, – обрезала ее Соломия.

Сама Совинская планировала поступать в Варшаве, ее будущее уже давно определили родители.

Я в таких разговорах не участвовала. Слушала, как Григорий произносит несколько фраз на польском, после пере-

ходит на чешский, и Соломия бойко ему отвечает. Кроме Соломии на дополнительный факультет по чешскому ходила Христя конечно же и вообще добрая половина наших девочек.

Едва прозвенел последний звонок, я рванула из класса на поиски Богдана.

2

Я не писала своему парню уже целую вечность, и мне не терпелось рассказать ему о том, что случилось.

Богдан ждал, как всегда, у школьных ворот и, едва я при-скакала к нему, запыхавшаяся, нервная, лохматая, обнял и чмокнул в щеку.

Конечно, мы успели повидаться на переменах, и свои поцелуи от Богдана я уже получила, но это было мельком. А сейчас я прижималась к парню и чувствовала, как закипают на глазах слезы.

Я немного всплакнула сегодня утром в ванной, когда еще раз забралась под душ, желая смыть с себя навязчивое ощущение чужих рук на талии. Но это были быстрые слезы, потому что я считала бессмысленным разводить соленую влагу, которая не поможет и ничего не изменит. Потому плакать я себе запрещала.

Вот и сейчас вскинула голову и улыбнулась, чтобы глаза поскорее просохли на теплом весеннем ветру. Никаких слез,

никаких соплей.

– Я потеряла телефон, – начала я и вдруг запнулась.

А как рассказать о Матвее? Я не могу говорить об этом загадочном парне. Он не пришел сегодня на уроки, и никто о нем не спрашивал, никто не интересовался, почему Матвей Левандовский не явился на занятия. Как будто его и не было в нашем классе. Однако же я видела его фамилию в списках в журнале, четко и верно написано, и даже проставлены оценки по некоторым предметам.

– Где ты его потеряла? И где ночевала? – беспокоился Богдан.

Заглядывал мне в глаза и хмурился, а его рука крепко обнимала меня за плечи.

– После работы на меня и подругу напали какие-то бандиты, мы еле ноги унесли. И телефон потеряла, пока убегала. Но все обошлось. Заночевала у подруги, потому что побоялась одна идти домой, – с ходу придумала я.

– Мать твоя с ума сходила всю ночь. Звонила мне каждые полчаса, наверное.

– Делать ей нечего.

– Она переживает. Я тоже переживал, уже думал идти тебя искать.

– И где бы ты искал меня? – усмехнулась я.

– Около твоей «Старой Праги» конечно же.

– Хорошо, что не пошел, потому что меня там не было.

– Ладно, давай в «Макдак», хочешь?

– Что там делать? Жевать булки?

– Выпьем кофе, съедим по мороженому. Поболтаем немного. Вечером у меня опять подработка...

– Спать хочу, Богдан. Еле на ногах держусь после вчерашнего. А что за подработка у тебя?

– Так, ходит девочка, учит алгебру. Глупая как пробка, и возни с ней полно. Но мать ее платит хорошо.

Богдан убрал руку с моего плеча и зашагал вперед. Я последовала за ним. Ладно, «Макдак» так «Макдак».

3

У Снежанки моей вечером намечалось свидание.

Я поняла это сразу, едва прискакала домой в пятом часу, кинула сумку в коридоре и заглянула в нашу комнату. Сестренка торчала перед зеркалом и пыталась сделать себе красивые брови. Она возилась с тенями, рисовала, после стирала и снова рисовала.

Щеки ее, и без того всегда румяные, теперь горели, как два фонаря, – явный признак того, что Снежанка не в настроении. Косметика валялась по всему столу, и два внушительных пятна от лака говорили о том, что ногти тоже приводили в порядок. Ярко-розовые пятна от лака.

– Это надо стереть прямо сейчас, – сказала я, потому что терпеть не могла беспорядка на своем столе. – И давай я тебе помогу. Так не пойдет. Садись и рассказывай, кто он.

– Ты про что? – сделала вид, что не поняла, сестра, покорно передавая мне темный карандаш.

– Ты явно не к репетитору собираешься. Новые джинсы, новая рубашка с вышивкой. Это свидание, детка, как ни крути.

– Вот вечно ты догадаешься, – буркнула сестра, но без обиды.

– Конечно, если ты с таким серьезным видом рисуешь брови, то дело в мальчике.

С макияжем для Снежанки я постаралась. Брови, легкие тени, загнутые реснички. Подчеркнуть мягкую линию губ, убрать яркие пятна со щек с помощью ровного тональника. После выпрямить волосы – еще та возня, учитывая, какие длинные локоны у моей сестры.

– Вот теперь ты милашка. Мальчик не устоит, это стопроцентно. – Я довольно улыбнулась.

– А можно я возьму твой рюкзак? Коричневый такой. Ты ведь все равно его уже не носишь? – спросила сестра.

Тут я замялась. Терпеть не могу, когда берут мои вещи. Но, с другой стороны, я действительно в последнее время ходила только с черными рюкзаками. Что ж, единственной сестре можно и уступить.

– Бери, но только один раз, – сказала я.

Снежанка еще раз крутанулась перед зеркалом, после сняла сторис и тут же выложила в сеть. И, уже выходя из квартиры, вдруг повернулась и тихо сказала:

– Знаешь, мама реально переживала за тебя. Не спала всю ночь, обзванивала больницы и даже в полицию звонила. Она действительно волновалась за тебя.

– Очень в этом сомневаюсь, – хмыкнула я в ответ.

Снежанка вздохнула и наконец утопала на эту свою свиданку.

4

Без смартфона чувствуешь себя выкинутой из жизни. Выброшенной на берег рыбой, в то время как все твои друзья плавают в глубине океана и наслаждаются общением и новой информацией. А ты сидишь и кликаешь мышкой, пытаясь с ноутбука зайти хотя бы в «Фейсбук», чтобы понять, что же происходит в мире.

Завтра была суббота, потому уроки я не учила. Да и не хотелось загружаться формулами по алгебре и химии, когда вечером меня ждало приключение. Конечно, я ни словечком не обмолвилась Богдану о наших с Матвеем вечерних планах. Не знаю почему, но какое-то внутреннее чувство буквально сковывало мне язык. Как будто внутри сидел маленький домовый и предупреждал: «Молчи, молчи, молчи».

А на самом деле в голове моей только и крутились мысли о том, как я поздно ночью отправлюсь с Матвеем в какой-то старый дом и буду там искать какую-то старую вещь. Я только и думала, как снова увижу настоящего Матвея, правнука

ведьмака, высокого и загадочного парня, и он снова будет смотреть на меня своими разными глазами так внимательно и серьезно.

Это казалось невероятно классным, интересным, увлекательным, и мое настроение все улучшалось и улучшалось, несмотря на то что телефона у меня по-прежнему не было. И даже мать не смогла его испортить. Она зашла ко мне в комнату, едва вернулась с работы, молча положила на стол самую обычную трубку-звонилку, какой-то черненький кнопочный «самсунг», который, видимо, попросила у подруги, и твердо заверила, что теперь у меня будет только такой девайс, пока я собственноручно не заработаю на новый. После она сказала, что я могу налить себе борща, если голодная, и гордо удалилась на кухню, где взялась греметь мисками и миксером, замешивая тесто.

Я покосилась на несчастный «самсунг» с потертыми кнопками, брезгливо отпихнула его от себя и решила, что пора заняться собственным макияжем. Есть материнские борщи я не собиралась, да и вообще не могу сказать, что голод мучил меня накануне предстоящих приключений. Парочки стаканов кофе и банки мороженого, которую мы раздавили на пару с Богданом, мне вполне хватит. А там что-нибудь перехвачу у Матвея. Свои заработанные деньги теперь придется откладывать на телефон.

Итак, черный карандаш. Обводка вокруг глаз, четкая, широкая, делающая мои глаза более яркими, более выразитель-

ными. Черная тушь для ресниц. Кончики не загибаются, так и остаются длинными стрелками, большими длинными стрелками вокруг темно-карей радужки. С бровями возни совсем немного, лишь слегка подвести черным карандашом. Они у меня и так черные, красивой формы с легким изломом, подчеркивают глубину глаз.

Теней немного, совсем чуть-чуть. Можно и без них, собственно, обойтись. Губы тоже черным. Мрачный штрих для мрачного макияжа. И ногти на руках – черным. Тонкую серебряную цепочку – подарок Богдана – на шею. И мой образ готов.

Конечно, еще не самый вечер, только семь часов, но сидеть дома уже невмоготу.

– Ты куда это? – заорала из кухни мать. – Сегодня ты сидишь дома! Никаких гулянок, слышишь меня?

Я молча затягивала шнурки на конверсах, кусала губы и старалась не сорваться на ответный крик.

– Ты сидишь дома! – Внушительный материнский торс показался в коридоре. – Сейчас же раздевайся!

Ура, второй шнурок завязан.

Мать схватила меня за плечи и с силой толкнула на кушетку, которая стояла у нас в коридоре и на которую мы обычно садились, когда обувались. Я нагнулась, проскользнула под материнской рукой, занесенной в праведном гневе над моей беспутной головой, и кинулась к двери.

– Я тебе башку оторву, когда заявишься домой! – заорала

мать в захлопывающуюся входную дверь.

Но я уже неслась вниз, перепрыгивая через несколько ступенек сразу, и внутри у меня клокотала непонятная и дикая радость. Я вырвалась, я свободна!

Глава девятая. Мирослава



Дом Матвея оказался открытым. Ворота – нараспашку, дверь с веранды не заперта. На кухне пахнет кофе и ванильным печеньем. На столе – большая миска с этим самым печеньем. Керамическая плитка на полу аж блестит от чистоты, а в кухонной плите с четырьмя конфорками отражаются потолок и шкафчики. Наша кухонная плита никогда в жизни не сможет похвастаться таким совершенством, ибо грязь к ней приварилась намертво.

Матвей сидел в гостиной. Увидев меня, улыбнулся и махнул рукой, приглашая устроиться на диване.

– У тебя была уборщица? – поинтересовалась я.

– Это я сам. Сегодня пятница, день генеральных уборок.

– Ты сам убираешь в доме? – удивилась я, потому что к уборке у меня лично не имелось ни малейшей склонности.

– В своем доме я убираюсь только сам. И сегодня еще напек печенья. Попробуй, сейчас сделаю тебе кофе.

– Круто. Ты не боишься вечерней вылазки? Ну, вдруг у дома прадеда на нас нападут еще какие-нибудь бандюганы, которым тоже охота порыться в вещах твоего предка.

– Не болтай. Не нападут. А если нападут, то мы сможем защититься.

– Да, точно. Ты же умеешь драться, научился в фитнес-клубе, – усмехнулась я.

– Меня учил дед сражаться на мечях, если быть честным.

Мы уселись прямо на толстый ковер на полу в гостиной и выпили по паре кружек кофе и слопали почти все печенье, которое напек заботливый Матвей. Болтали о ерунде. Мне нравилось сидеть рядом с этим невероятным и загадочным парнем и слушать его неторопливую речь. Матвей каждое слово произносил немного замедленно, словно взвешивая его и вдумываясь в значение. Предложения – короткие и четкие, а взгляд – серьезный и прямой.

– Ты должна держаться рядом со мной, – объяснял он. – Никуда не лезть и ни с кем не разговаривать. Даже если увидишь что-то очень странное. Даже если вдруг дерево заговорит с тобой, не ори и не отвечай. Просто сделай вид, что ты этого не видишь.

– А такое может быть? – не понимала я.

– Это я на всякий случай. Подготавливаю тебя. На самом деле понятия не имею, что нас ждет в доме прадеда. Меня туда не пускали. Обычно, когда дед заходил в свой старый дом, я ждал его на улице, у плетня.

– А что за документы тебе надо забрать?

– Одну книгу. Это уже я сам поищу. Просто одному не так стремно, понимаешь?

– Конечно. Сходим и заберем. С деревьями разговаривать не будем. Жаль, что у тебя только один браслет-оберег, иначе я бы тоже надела. Тогда на нас даже деревья не обратили бы внимания.

– У меня есть еще один. Я сегодня сплел, и он действует. Специально для тебя сделал. Нас не должны видеть, потому что... Ну, потому что так будет лучше.

– Покажи! – Я аж подскочила от удивления. – Прикольно!

– Подожди, не прыгай. – Матвей предупреждающе положил ладонь на мое плечо. – В школу с этим ты ходить не должна, потому что тебя уже видели в твоем нормальном облики. Пусть так и будет, иначе хватятся, и начнется скандал. Но ко мне можешь приходить с оберегом на руке, так даже лучше.

– Обожаю такие тайны, – выдохнула я, натягивая украшение из сушеных рябиновых ягод и черных деревянных бусин на руку. – И как я тебе?

– Отлично. Только в зеркале ты увидишь саму себя настоящую. В зеркале всегда будет отражаться твоя настоящая внешность, запомни это.

– Что тут запоминать? Жаль, я бы посмотрела на то, как переменилась. И как я выгляжу? Худенькая, с прыщами и длинным носом?

– Что-то вроде того, только без прыщей, – улыбнулся Матвей, но как-то скуп и напряженно. После вздохнул и принялся пояснять, что к этому надо относиться серьезно и оберег вовсе не игрушка. – А главное, чтобы твоя мать его не нашла, понимаешь?

– Она на такие вещи не обращает внимания. Ягоды рябины для нее – что-то вроде детского творчества на уроках

труда. Не переживай, она на себя в жизни такое не наденет. Моя мать обожает золото. Вечно покупает себе цепочки и сережки, как ненормальная.

– Нам надо успеть до полуночи попасть в дом прадеда, а после быстренько вернуться домой. Потому выходим в половине одиннадцатого.

– У нас еще пара часов, что будем делать?

– Посмотрим кино. Хочешь ужастик вроде «Оно»? Мне нравится Стивен Кинг, между прочим.

– Я уже заметила. Давай тогда смотреть «Оно». Чипсы у тебя есть?

– Сколько угодно и какие угодно.

2

Перед выходом Матвей подвел черным глаза. Это показалось мне настолько странным, что я даже не сразу открыла рот, чтобы спросить. А когда наконец заговорила, то мой приятель уже смотрелся совершенно по-другому. Его разноцветные глаза, окруженные черным контуром, казались колдовскими и страшными. И я поняла, чем завораживал меня его взгляд. Было в нем что-то хищное, как будто мой друг о чем-то знал – о чем-то ужасном и невероятном – и не говорил мне об этом.

Как будто хранил Матвей жуткие тайны в этом своем трехэтажном особняке.

– Ты похож на маньяка, – выдала я наконец, когда вышла из ступора.

– Теперь ты не должна задавать лишних вопросов, – тихо проговорил он и взял длинную палку из угла в коридоре. – Говоришь, ты умеешь сражаться? Тогда держи, пусть у тебя будет вторая. – И вложил мне в руки еще одну палку, гладкую и длинную. – Если нападут, не надо будет искать камни, чтобы дать по голове нападающим, – пояснил Матвей.

И мы наконец вышли в теплую весеннюю ночь.

– Ты не закрыл дверь, – напомнила я, оглядываясь на широкие ступеньки веранды.

– Никто ко мне не зайдет, – сухо ответил Матвей и больше ничего не сказал, как я ни спрашивала его.

Мы снова надели наши обереги, и, когда браслетик оказался на моей руке, я вдруг поняла, что внешний вид Матвея не поменялся. Он был по-прежнему разноглазым, симпатичным и немного страшным с этими вот подведенными черным глазами.

– Обереги связаны, – пояснил Матвей, – так и должно быть. Когда мы вместе в браслетах, то можем видеть друг друга настоящими.

Синие сумерки казались изумительными. Еще не полная темнота, но очертания кустов, домов и скамеек уже сглаживались, а краски становились неясными и смутными. И мы в этих сумерках походили на тени. Должны были походить, ведь я не видела результат превращения.

Но когда мимо прошагала Зорянка, толкая впереди коляску с годовалым сынишкой, и даже не поздоровалась, я вдруг ощутила себя человеком-невидимкой. Это казалось невероятно крутым, и я едва сдерживала желание подпрыгивать и бежать вперед, весело размахивая руками.

Матвей же был серьезным и хмурым и никакой радости не выражал. Как будто шагал на кладбище откапывать трупы. Меня это слегка настораживало. После того как я вот так протопала через половину нашего городка рядом с молчаливым и хмурым приятелем, мое настроение было уже далеко не таким солнечным и радужным. То ли повлияли сумерки, то ли мрачный взгляд Матвея.

Мы прошли по узеньким улочкам с частными домами в два этажа и высокими коваными решетками. Миновали старую часовенку, здоровенный старинный отель, окруженный садом, и наконец выбрались на узкую грунтовую тропку.

– Нам вверх, на гору. К лесу, – скупое пояснил Матвей.

И мы зашагали по тропке.

3

Здесь фонари конечно же не горели. Только круглая луна выползла из-за туч и светила как ненормальная. Молодая травка, едва достававшая до щиколоток, тихо колыхалась, ветерок приносил запахи цветущего шиповника, и все вокруг казалось красивым и мирным.

И даже маленькая хрупкая часовенка, у которой мы остановились, навевала мирные и спокойные мысли. Крест на ее небольшом куполе слегка поблескивал, отражая лунный свет, и я невольно залюбовалась, задрав голову.

– Не отставай, – позвал меня Матвей, и пришлось догонять его.

Мы обогнули часовенку, свернули с тропы к какому-то железному забору и вдруг оказались у самого края кладбища.

– Это старое кладбище, тут похоронены невинные люди. Хотя совсем невинных не бывает, но это не... Это просто люди, – пояснил Матвей. – Говорят, они погибли тогда, когда сюда пришли красные в тридцать девятом году.

– Что мы будем делать на кладбище? – не поняла я, чувствуя, как хорошее настроение окончательно покидает меня, а вместо этого по коже лезут мерзкие мурашки ужаса.

– Ничего. Просто я возьму земли. Немного земли со здешнего кладбища.

– Зачем?

– Так надо. Дед научил. Все, пошли. Не задавай пока вопросов. И вообще ни с кем не разговаривай, даже если тебя будут звать по имени. Иди молча.

И мы двинулись к лесу, который возвышался впереди, на горе, точно черная мрачная стена. Теперь я не испытывала сумасшедшей радости по поводу нашего приключения, хотя ничего страшного не происходило. Кладбище меня не пуга-

ло, ведь там все были давным-давно мертвы. А живых людей вокруг не наблюдалось. Но тем не менее я вдруг подумала, что мы занимаемся ерундой.

Ну подумаешь, пороемся в пыльных бумагах старого-пре-старого деда (может, Матвей решил найти его метрику, кто знает?), после отправимся обратно, и я, наверное, снова за-ночную у друга. Пусть там мать с ума сходит, она это заслу-жила.

Лес надвинулся, напoлз на нас, как гигантское мрачное животное, и дубы протянули к нам корявые ветви. Матвей молчал, как партизан на допросе, и я ломилась следом за ним через низкие кусты шиповника и малины. Узкая тропка уво-дила в темную лесную глубь, но у моего спутника оказался фонарик, который довольно ярко освещал деревья и кусты перед нами.

Мы уже почти добрались до широкой поляны, забирая все выше и выше, как вдруг навстречу вышла девочка. Это было так неожиданно, что я чуть не вскрикнула, увидев тонень-кий силуэт. Растрепанные светлые волосы обрамляли блед-ное лицо, темные глаза таращились безотрывно, а в руках был букетик ромашек и маков, хотя цветы эти еще не успели расцвести.

– Привет, – спокойно сказала девочка, – идешь к своему деду? А он мертв теперь.

Матвей не ответил.

– Зачем ты сюда пришел, Матвей? – никак не унималась

девочка.

Мой приятель молча прошел мимо нее, и малышка посторонилась. Было ей лет пять, не больше, и я замерла около этого ребенка, не понимая, что такая малявка делает одна в лесу.

— А ты кто? — обратилась девочка ко мне и уставилась темными, немигающими глазами.

Я вовремя вспомнила наказ Матвея ни с кем не говорить и прошла мимо малышки молча. Но не удержалась, оглянулась и увидела, что девочка вовсе не расстроилась. Она последовала за нами, шагая легко и быстро. Ее ноги были босы, а странное белое платье больше походило на рубашку.

Матвей неся вперед стремительно, и мне пришлось ускориться, чтобы не отстать. Три высоченных и толстенных дерева, между двумя из которых он прошел, медленно качали ветвями с едва-едва проклюнувшимися зелеными листочками. А за деревьями была поляна, залитая лунным светом. И дом на этой поляне.

Такие хижины встречаются теперь разве что в музее. Деревянная, крытая соломой, с крошечными окошками чуть ли не у самой земли, хижина казалась сказочной. Как раз в такой и мог жить медведь из сказки о Маше и медведе.

Я присмотрелась к низкой крыше, к деревянному плетню и огромному пугалу, стоящему чуть сбоку, на огороде, и мне вдруг стало нехорошо. Пугало и правда походило на медведя, и его здоровенная черная голова, повернутая в нашу сто-

рону, вдруг показалась мне живой. Еще миг, и животное кинется на нас и растерзает!

Я схватила Матвея за руку.

– Ты чего? – не понял он.

– Медведь... – еле выговорила я.

– Пугала, что ли, испугалась? Пошли, это шкура, набитая соломой. Дед сделал его лет пятьдесят назад, если не больше. Когда лес рос на всех горах, не было дорог с шумными машинами и водились кабаны и медведи. Идем, я гарантирую, что эта штука нас не тронет. Все, что делал мой дед, для нас с тобой безопасно.

– Почему? – почти прошептала я.

– Потому что вы его родственники, Мирослава, – весело проговорила за спиной девочка и вприпрыжку выбежала на поляну.

– Откуда она меня знает? – удивилась я.

– Не отвечай. Мы пришли. Тут не закрыто. Идем. Держи свою палку наготове на всякий случай.

4

Деревянный плетень был до того старым, что так и норovil завалиться набок. На нем висела пара глиняных горшков, а двор вокруг хижины зарос молодой травой. Тут давненько никто не бывал, в этом доме, и квадратный колодец да старый сарай на участке лишь усиливали ощущение за-

брошенности.

Деревянная дверь дома была плотно закрыта.

– Она тоже не заперта? – вдруг догадалась я.

– Никто, кроме моего деда и меня, ее не откроет, – сказал Матвей и дернул деревянную ручку.

Створка открылась медленно и тяжело. Заскрипела так, словно это была не деревянная дверь на ржавых петлях, а железный робот, проторчавший под дождем с десятков лет. Мы остановились у порога, Матвей повел фонариком, и я увидела деревянный пол, какие-то лавки, огромную печь и чуть дальше полки с книгами. Множество полок с книгами.

– Проходи, – пригласил учтивый Матвей.

Я занесла ногу, и вдруг за моей спиной раздался рев. Дикий, жуткий рев, от которого мурашки побежали по спине. Так рычали, наверное, динозавры в свой доисторический период. Какой-нибудь тираннозавр, что ли. Уши у меня заложило, ноги дрогнули, сердце чуть не выпрыгнуло из глотки, и я рванулась вперед, а Матвей вместе со мной, и мы одновременно проскочили в дверной проем и рухнули на пол.

– Закрываем дверь! – проорал Матвей, поднялся и торопливо дернул на себя дверь.

После задвинул засов и, тяжело дыша, опустился на пол.

– Что это было? – не поняла я.

– Привидение, – сухо пояснил мой друг.

Глава десятая. Матвей



Конечно, Матвей понимал, что кое-что должен объяснить Мирославе. Но этого «кое-чего» было столько, что неясно, с чего начинать.

Он велел ей молчать, потому что, мол, опасно задавать вопросы, но на самом деле просто не понимал, о чем рассказывать в первую очередь. Вот как, например, пояснить, зачем брать землю со старого кладбища, где покоились люди, погибшие насильственной, несправедливой смертью? Или как рассказать о мавке? Клятая мавка Руська конечно же встретила их у хижины и пристала со своей болтовней. Дедово пугало в виде медведя, естественно, напугало Мирославу. Она бы еще больше испугалась, если бы знала, на что способен этот медведь. И когда эта тварь зарычала – а она всегда рычит, когда кто-то заходит в дом, так уж она устроена, – Мирослава чуть не умерла от ужаса. Да и сам Матвей на мгновение испугался.

Да, он хотел подставить Мирославу, и у него все почти вышло. Она стояла у порога дедова дома и уже занесла ногу, чтобы войти первой. Только войдет – и проклятый дар ведьмаков достанется ей, а не Матвею. Но внутри сидела совесть и грызла, точно голодная собака. Грызла и трепала душу бесконечными мыслями о том, что он, Матвей, ведет себя как последний трус. Что он подставляет ни в чем не повинную

душу, девочку, которая понятия не имеет, во что только что влезла.

И эта совесть, эта шелудивая псина, все-таки победила. Матвей толкнул Мирославу, но вроде бы успел первым приземлить свою кроссовку на деревянные доски хижины. Или они это сделали одновременно?

Теперь уже не понять. Дверь закрыта, горящий фонарик валяется на полу, а Матвей все-таки сумел смириться со своим родовым предназначением, хотя это и далось ему нелегко.

2

– Что нам надо найти? – по-деловому спросила Мирослава, едва они слегка оправились от испуга и отряхнули со штанов древнюю пыль.

– Книгу, наверное. Такая старинная книга в кожаной обложке.

– О да, оригинально. Но я тебя слегка расстрою – тут полно старинных книг в кожаных обложках. Прямо музей книгоиздания какой-то. Вот эта, например, печаталась, видимо, при первопечатнике Федорове, на старом-престаром станке. Что скажешь?

– Осторожно с книгами, дед собирал их всю жизнь.

– Это Библия. Старая Библия. Твой дед читал Библию?

– Он много чего читал.

Мирослава болтала и перебирала книги, и можно было только радоваться, что девчонка не испугалась всего, что пришлось пережить. Мало того что прошли мимо кладбища, так еще и мавка Руська возникла, точно привидение, и настырно таращилась своими большими грустными глазами. Но Мирослава отнеслась к ней как к чему-то совершенно обычному, и Матвей не торопился пояснять. Возможно, позже.

Сейчас надо было найти книгу.

Но книга Желанная все никак не хотела найтись.

Конечно, Матвей понимал, что дед не станет держать ее просто так на полке – положил, и она себе лежит. Конечно, она была спрятана. Матвей перерыл все сундуки, заглянул в устье печи и даже залез под крышу, где на узкой жердочке, почти скрытой соломой, нашелся сундук, полный золотых слитков. О слитках Матвей не стал рассказывать своей новой подруге и сам не удивился им. Точно такое же добро хранилось и у него в доме. Скарбник всегда заботился о благосостоянии семьи, это был его неизменный вклад в семейное благополучие Левандовских. На то он и Скарбник.

Время приближалось к двум часам, а в три следовало быть дома. Никто не должен шастать по городу после трех, Матвей это знал. Иначе можно нарваться на патруль Варты. А эти парни бывают жестоки.

Разочарование уже разливалось внутри. Вдруг Мирослава удивленно проговорила:

– Смотри, это твой прадед с какой-то девушкой. Совсем молодой. У того самого кафе, где я работаю сейчас. Оно и тогда тоже называлось «Старая Прага».

Матвей спустился с деревянной лесенки и увидел, что Мирослава рассматривает старый семейный альбом. Куплен этот альбом, видимо, был еще до войны и сейчас выглядел настоящим раритетом. Обложка кожаная, коричневая, с золотым тиснением. Толстые страницы когда-то имели розовый цвет, а сейчас казались просто ужасно желтыми и ветхими.

Да, на первой фотке стоял его прадед Стефан и рядом с ним – молодая девушка в такой беленькой смешной шляпке и длинном белом платье. Оба довольные, счастливые. На груди у девушки – кулон в форме сердечка, в руках – букетик цветов.

Мирослава быстро перевернула страницу, и Матвей увидел двух самых младших братьев прадеда Стефана, которые были двойняшками. Мальчики сидели за круглым столиком в кафе «Старая Прага» и смело улыбались в кадр. Кудрявые, веселые, с задорными ямочками на щеках, они представляли собой образец счастья и благополучия.

Матвей знал, что эти двое не дожили и до десяти лет. Знал и то, что первая девушка прадеда тоже погибла, поэтому сказал Мирославе, чтобы положила альбом на место.

– Ты не заберешь фотки? – спросила Мирослава, переворачивая страницу.

– Зачем? Пусть тут и лежат.

И тут Матвей запнулся и замолчал, уставившись на то, что открылось в альбоме. Больше фотографий не было, а в альбомных страницах была вырезана ниша, и в ней лежала старая-престарая книга, на почти черной обложке которой значилась одна-единственная надпись, сделанная на польском.

«Книга Желанная», – прочитал Матвей и тяжело выдохнул.

3

– «Книга Желанная», – тут же прочитала и Мирослава и взялась за потертую кожу обложки.

Потянула на себя, и Матвей не удержался, схватил подругу за руку и торопливо велел не открывать.

– Подожди. Не надо это трогать.

– А то что? – совершенно невозможно и даже немного задорно проговорила Мирослава и открыла книгу.

Желтые страницы, покрытые мелким почерком, призывно скрипнули, а подруга прочла еще одну фразу:

Пожелай, и сбудется. Каждое желание может сбыться, каждая мысль найдет свое пристанище, и каждая душа обретет свое место.

– Не читай вслух, перестань! Это колдовская книга моего деда! – быстро проговорил Матвей и осторожно закрыл рукой рот Мирославы.

Прикоснуться к книге он не осмелился. Дед учил, что у любой колдовской вещи есть свое правило, свой закон и не стоит его нарушать.

– Что она дает? Ладно, разберемся. – Мирослава глянула на Матвея и вдруг догадалась. – Ты искал именно эту книгу, да?

– Да. Мы нашли ее и можем уходить.

Матвей повел фонариком на входную дверь, прислушался, после велел Мирославе положить книгу в рюкзак.

– Спрячь ее так, чтобы никто не увидел, и уходим.

На улице царила тишина. Луна, как прежде, заливала поляну бледным светом, и где-то у самого леса маячила фигурка Руськи. Вроде бы ничего особенного, можно возвращаться. Но едва они покинули хижину и Матвей погасил фонарь, как через всю поляну с противоположной стороны леса к ним двинулись две фигуры. Черные, сгорбленные, они торопливо шагали по невысокой траве, и за их спинами не было привычных теней.

– Кто это такие? – тихо прошептала Мирослава, хватая Матвея за руку.

– А это смерть, надо уматывать, – быстро проговорил Матвей, и оба рванули на спасительную тропу, выводящую из леса.

Фигуры завyli пронзительно и тонко и бросились за ними. Мавка Руська пропала. Она тоже боялась тех, кто не отбрасывает тени в лунную ночь.

– Не уйдешь от нас! – прорычала одна из фигур, и мимо плеча Матвея пролетел камень, стукнулся о ствол дерева и от-рикошетил прямо в ухо. Хорошо, что Матвей догадался немного отвернуться, иначе каменюка зарядила бы прямо в глаз.

Мирослава вскрикнула, и в этот момент еще один камень заехал в затылок Матвею – ведьмы умели управлять камнями. Оставалось только одно. Развернуться и дать им бой.

– Здесь летающие камни! – заорала Мирослава, как будто и без этого не было ясно.

– Стой! Давай навалием этим двоим, – еле переводя дыхание, проговорил Матвей, расставил ноги и поднял свою палку.

Мирослава сделала то же самое, ругнувшись и пожелав сдохнуть всем здешним тварям.

Первая ведьма, сверкнув белесыми глазами, налетела, как порыв ледяного ветра. Протянула корявые руки и едва не схватила Матвея за шею. Пара ударов крепкой палкой отбросила гадину, но появилась вторая. Она лезла к Мирославе, а необученная девчонка не могла дать ей отпор, хотя и старалась. Ее палка, которая раньше принадлежала деду, заехала ведьме в лоб, но та ловко отклонилась, и удар получился скользящий.

Матвей вовремя успел врезать второй ведьмачке по голове и сунуть руку в карман. Холодная кладбищенская земля легко уместилась в горсти, осталось только швырнуть ее в

лицо черным ведьмам со словами:

– То, что пришло с кладбища, в него и уходит!

Земля попала лишь на одну ведьмачку, и та сморщилась, скукожилась, ее темное лицо стало похоже на вареную свеклу. Завыв, точно сирена, она растворилась в воздухе, а вторая, глядя на участь подружки, отступила в ночь.

– Ну, иди сюда, паршивка! Я и тебя отправлю обратно в могилу! – гаркнул ей вслед Матвей.

Ведьма лишь зашипела в ответ и пропала, скрылась за деревьями.

– Пошли быстро. Вдруг еще кто-то пожалует... – пробормотал Матвей и решительно взял Мирославу за руку.

Они припустили бегом и мчались до самого старого кладбища, а оттуда уже виднелось шоссе и даже слышался шорох колес по асфальту.

Глава одиннадцатая. Матвей



Следовало перевести дух. Следовало остановиться и отдышаться, потому что Мирослава уже отставала, да и у самого Матвея огнем горело горло.

Они неслись как сумасшедшие, перепрыгивали через камни и низкие кусты, продирались сквозь заросли шиповника, и только когда блеснул крест на старой часовне, ощущение опасности отступило.

– Что это было? – спросила Мирослава, едва к ней вернулась способность говорить, не хватая ртом воздух. – Что за ужас такой?

– Ведьмачки. Вернее, их духи. Они уже мертвы, но в полнолуние могут вылезать из своих могил.

Мирослава уставилась на Матвея и переспросила:

– Кто?

– Ведьмачки, ты не ослышалась.

– Такое бывает?

– Ты же видела.

– Сдуреть. Просто сдуреть. Просто сдуреть от всего этого.

И что, часто они вот так вылезают из своих могил?

– Они знали, что я приду в дом прадеда, вот и караулили.

– И что им надо? – не унималась Мирослава.

– Книгу, которая в твоём рюкзаке.

– Которая книга Желаний?

– Она самая.

– Зачем? Чтобы читать в могилке от скуки?

Матвей вздохнул, поднял голову и посмотрел на круглую и совершенно спокойную луну. Ладно, придется рассказывать.

– Книга выполняет желания того, кто ее нашел. Вот они и хотели ее заполучить. Отобрать.

– Чтобы стать живыми?

– Чтобы получить власть. Они ведь мертвые и могут себе позволить некоторые вольности только в полнолуние, да и то не всегда. А им хочется выбираться из могил постоянно. Вот для этого им и нужна книга.

– Фу, блин...

– Мой прадед их убил, еще давно, когда меня на свете не было. Они хотят отомстить ему, возможно. Я так думаю.

– Я бы на твоём месте больше не ходила в эту хижину. Ну их на фиг, такие приключения. Хотя... – Мирослава сощурила накрашенные глаза, взъерошила темные волосы, вздохнула спокойнее. Потом заявила: – Это было прикольно. В жизни не доводилось бегать от ведьм. И всего-то и надо кинуть им в лицо горсть земли с кладбища. Может, и моей матери кинуть в лицо землю и тогда она замолчит?

– Не поможет. Ты же не колдунья.

– А ты?

– А я кое-что знаю, дед научил. Надо еще произнести заклинание особенное.

– Да-да, как в «Гарри Поттере». Авада Кедавра! И все ведьмачки валяютсядохлыми.

– Это тебе не шутки. Они бы сожрали нас, если бы добрались, – хмуро пояснил Матвей, поднял повыше палку и посмотрел на часы. – Пора, уже половина третьего. Надо успеть за полчаса добраться до моего дома.

– Почему?

– Потому что кое-кому завтра в школу.

– Завтра суббота, болван.

– Все равно кому-то надо прийти домой и послушать ор собственной мамочки.

– А ты мне дай той земли с кладбища, у тебя ведь осталась. Кину ей в лицо, – усмехнулась Мирослава.

Ну что за девчонка? Другая на ее месте наложила бы в штаны после пережитого, а эта шутит.

– Успеешь еще, – пообещал Матвей.

2

Луна решила все-таки убраться за тучи, словно ее возмутило все то безобразие, которое только что творилось в лесу. Поэтому спускались вниз в совершенном мраке, и лишь фонарик помогал не споткнуться и не свалиться в какую-нибудь яму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.